Ѳедоръ Куклярскій.

# Послѣднее слово.

## Къ философіи современнаго религіознаго бунтарства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.
1911.

# Послѣднее слово.

Ѳедоръ Куклярскій.

# Послѣднее слово.

## Къ философіи современнаго религіознаго бунтарства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.
1911.

„Пров 36"

Прив. 1958

Пр.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1461
31

„Мое слово—*послѣднее слово человѣку*,—послѣднее, что еще можно сказать ему (афор. 53)". Ко всѣмъ тайнымъ,—ко всѣмъ скрывающимся *предателямъ человѣка*—обращаю я свою рѣчь" (афор. 155).

„Совершенно несомнѣнно, что природа стремится потушить жизнь человѣческаго рода, какъ вещи безполезной для міра, какъ вещи все разрушающей въ этомъ мірѣ" (Леонардо-да-Винчи).

# Предисловіе.

Мои одинокія, влюбленныя въ одиночество мысли! Когда я обхожу своимъ взглядомъ ваши нестройные ряды, я не могу не замѣтить той трагически-загадочной жизни, которой живете вы:—мои одичавшія, рожденныя въ мукахъ сердца мысли! Каждая изъ васъ, захлебываясь одиночествомъ, застѣнчиво скрываетъ отъ человѣческаго взора свое интимное, лихорадочное тяготѣніе къ предѣльному синтезу... И если нѣкоторыя изъ васъ, особенно безстыдныя и незаконорожденныя, даются въ руки, то большинство притаилось въ той тѣни, которую отбрасываетъ отъ себя все человѣческое—все *заходящее* во мнѣ.

И я радъ за васъ, мои безумныя, нечеловѣческія мысли. Радъ тому, что вашъ святой эгоизмъ останется неприкосновеннымъ для всего человѣческаго, ибо онъ хранитъ въ себѣ ваши маленькія, трепещущія сердца: — искры нечеловѣче-

скаго дерзанія и преступнаго вдохновенія подвигомъ низложенія человѣка съ его царственнаго престола.

Какъ забавно мнѣ смотрѣть на васъ, когда въ вашу среду,—среду одиноко бредущихъ, одиноко летающихъ и одиноко прыгающихъ, невидимыхъ для человѣческаго взора существъ,—вдругъ попадаетъ новая темно или свѣтло-лучистая гостья... Какое столпотвореніе свѣта и тѣней! Какъ быстро нарушается ваше одиночество этой нежданной и странной гостьею, познакомиться съ которой такъ лихорадочно и нетерпѣливо спѣшитъ каждая изъ васъ. Развѣ я могу *осмѣлиться* порвать ту хитрую западню-паутину изъ свѣта, красокъ и тѣней, которую вы неустанно ткете для моего зловѣщаго сердца, давно уже *переставшаго болѣть за человѣка*,—давно уже похороненнаго человѣкомъ?

Привѣтствую васъ,—отчаяніемъ моимъ отягченныя, надеждой моей ослѣпленныя,—мысли! Привѣтствую и желаю вамъ счастливаго пути, кругового пути вѣчности! Скоро... скоро заблестятъ послѣднія зарницы на небосклонѣ моего духа: тогда я подниму послѣдній, еще неразбитый бокалъ и выпью за здравіе моихъ лучеобразныхъ дѣтишекъ, моихъ наслѣдниковъ, моихъ гонцовъ къ воскресающей природѣ...

1. Трагизмъ современнаго положенія человѣка состоитъ въ томъ, что *его бунтъ обращенъ противъ него*: —противъ всего человѣческаго въ немъ. Но не отрицаніемъ должна быть побѣждена трагедія, а утвержденіемъ и пріятіемъ ея *до конца*. Побѣда надъ зломъ возможна лишь путемъ исчерпанія всего его содержанія, т. е. путемъ стремленія къ нему.

2. Мое сознаніе *констатируетъ* величайшую метаморфозу, происходящую въ глубинахъ мірового, человѣческаго и моего индивидуальнаго существа.

3. Говорятъ: «вы противорѣчите себѣ»—и полагаютъ при этомъ, что выставляютъ противъ противника убійственный аргументъ. Я на это скажу: уловите форму сплетающихся тѣней, отбрасываемыхъ въ ваше сознаніе двумя противорѣчивыми положеніями.

4. Новая задача: обратить человѣка лицомъ къ новому хаосу и зарождающемуся въ немъ новому мірозданію—и спиной къ міру одряхлѣвшему съ его распадомъ и агоніей.

5. Не земля должна подняться до небесъ, а небо нужно низвести на землю.

6. Извѣстно ли твоему духу состояніе, когда, предводимая тайными предчувствіями, въ твою горячую голову врывается хищная мысль и, какъ динамитъ разрываетъ ядро при сотрясеніи, рветъ мозги твои на клочья?

7. Для того, чтобы преодолѣть что-либо великое, нужно сначала имѣть это величіе подъ руками. Для того, чтобы

преодолѣть въ себѣ душу, эмансипировавшуюся отъ лжи, безобразія и зла, нужно культивировать въ себѣ зародышъ этой души и пріобрѣсть внутреннюю свободу. Сдѣлаться палачомъ своей души тогда, когда она уже сама является палачомъ души коллективной—вотъ что достойно *самодержавнаго* духа, ибо его самодержавіе есть его самодеспотія.

8. Благодаря апологетамъ природы, безумные найдутъ вою мудрость, пока скрытую отъ нихъ.

9. Душа безумнаго—подходящая гавань для микробовъ разсѣянныхъ въ атмосферѣ, отравленной человѣческой мудростью. Такъ, напримѣръ, Уайльдъ въ тюрьмѣ пережилъ жестокій конфликтъ и послѣ него вступилъ на дорогу смиренія и христіанства... Стринбергъ, послѣ крещенія въ огнѣ рѣдкихъ страданій и безумія, выкупался въ болотѣ піэтизма. Достоевскій также всю жизнь страдалъ *маніей преслѣдованія*: онъ всегда ощущалъ за своей спиной дыханіе Христа!

10. Столѣтіями длятся мечты о духовной аристократіи, о господствѣ въ государствахъ мудрыхъ мужей, о реализаціи идеала добра, т. е. одухотворенія матеріи и толпы... Но всѣ эти мечты останутся мечтами до тѣхъ поръ, пока въ человѣческомъ существѣ не произойдетъ рокового перелома... Борясь за зло, новыя грядущія силы превратятъ міръ теперешнихъ идеаловъ въ міръ реальный, и наоборотъ... Какъ теперь судьбы народовъ находятся во власти у матеріальнаго (денежнаго) капитала и матеріально-вооруженныхъ людей,—точно также въ далекомъ будущемъ судьбами народовъ будутъ управлять духовный капиталъ и духовно-вооруженное сословіе. И подобно тому, какъ теперь ведется ожесточенная борьба интеллигенціи съ владыками міра сего, точно также въ будущемъ матеріальныя силы страны будутъ вести борьбу съ духовнымъ капитализмомъ и его гнетомъ. Какъ теперь изъ среды владѣтельной буржуазіи выступаетъ все болѣе и болѣе

борцовъ со своимъ питомцемъ-капитализмомъ (демократизмъ), точно также въ будущемъ изъ среды духовнаго сословія все болѣе будетъ появляться перебѣжчиковъ въ лагерь враговъ, т. е. въ лагерь звѣроподобныхъ людей, преступниковъ, и все болѣе будетъ убійствъ одухотворенныхъ личностей. Однимъ словомъ: теперь ведется борьба «за владычество *духа*, тогда возникнетъ борьба за владычество *матэріи*». По мѣрѣ того, какъ человѣкъ будетъ одухотворяться, въ немъ будетъ возрастать потребность въ матеріализаціи своихъ духовныхъ сокровищъ. По мѣрѣ отдаленія человѣка отъ природы, его все болѣе мучаетъ жажда сліянія съ ней, но, такъ какъ позади него «корабли сожжены» и путь регресса для него невозможенъ, то онъ можетъ осуществить желанное сліяніе лишь путемъ творчества новой природы. Далѣе: по мѣрѣ изоляціи психической жизни человѣка отъ его физическаго существованія, т. е. по мѣрѣ утвержденія въ его существѣ инстинкта духовнаго самосохраненія—въ немъ будетъ происходить процессъ обратнаго порядка: все настойчивѣе будетъ ощущаться потребность сліянія души съ тѣломъ, но и здѣсь сліяніе это можетъ осуществиться лишь черезъ созданіе новаго тѣла, которое и будетъ ничѣмъ инымъ, какъ матеріализованной, воплощенной душой.

11. Жестоко ошибаются тѣ идеологи добра, которые думаютъ, что человѣку очень легко достигнуть зла и приблизиться къ идеалу злой жизни.

12. Если логику индивидуалиста довести до предѣла, то окажется, что этимъ предѣломъ являются требованія, какія могъ бы выставить самый радикальный соціалистъ. Соціалистъ вооруженъ противъ индивидуалиста, но индивидуалистъ, стремясь къ злу, вооружается противъ самого себя. Народъ идетъ на смѣну интеллигенціи, а интеллигенція смѣняетъ народъ. Соціализмъ сдѣлаетъ народъ иррелигіознымъ и куль-

турнымъ; индивидуализмъ же, напротивъ, создастъ изъ интеллигенціи религіозный и антикультурный слой населенія. Въ послѣднемъ отношеніи характерна проповѣдь Л. Толстого, хотя онъ и не понялъ того, что не христіанство, а антихристіанство можетъ удовлетворить религіозное сознаніе интеллигенціи. Идеи индивидуализма - не для народа: для него онѣ слишкомъ утонченны и многосложны. Стремиться ко злу можетъ лишь тотъ, кто *отягощенъ*, *подавленъ добромъ*. Въ будущемъ интеллигентъ—индивидуалистъ съ его демонической религіей будетъ такой же загадкой для культурнаго народа, какой теперь является народъ и его религіозность для интеллигента.

13. По мѣрѣ роста инстинкта духовнаго самосохраненія, инстинктъ физическаго самосохраненія становится раффинированнѣе, изощреннѣе. Благодаря этой своей чувствительности, онъ (инстинктъ физ. самосохр.) останавливаетъ организмъ всякій разъ, какъ ему грозитъ *окончательная* гибель. Именно въ томъ-то и сказывается его чуткость, что онъ перестаетъ оберегать индивидуумъ отъ опасностей *вообще*. Эта чуткость порождена инстинктомъ духовнаго самосохраненія, еще только зрѣющимъ и потому не дающимъ власти *грубому* инстинкту физическаго самосохраненія. Чѣмъ больпіей силой обладаетъ индивидуальность, тѣмъ болѣе она любитъ великую опасность. Это же примѣнимо и къ инстинкту физическаго самосохраненія. Его сила сказывается въ томъ, что онъ ходитъ по краю пропасти и надѣется на себя. Но какъ только въ человѣческомъ существѣ утверждается и укрѣпляется инстинктъ духовнаго самосохраненія, онъ, какъ и все установившееся, *начинаетъ грубѣть*, уподобляется грубому инстинкту животнаго. Поэтому-то съ момента его утвержденія и его полновластія въ человѣкѣ, онъ начинаетъ принимать все болѣе аристократически-утонченный характеръ

и уже отрицаетъ себя, какъ грубую силу. Такое самоотрицаніе выражается въ томъ, что онъ проникается любовью къ пропастямъ и тяготѣетъ къ самому ихъ краю. Дерзаніе и смѣлость *закаляютъ* его и дѣлаютъ болѣе могущественнымъ. Только перспектива полнѣйшей гибели будетъ останавливать такой инстинктъ отъ извѣстнаго шага.

14. На что должно опираться *познаніе лжи*? На дѣйствительность? Но на какую? На ту, на которую опиралось познаніе истины, оно опираться не можетъ. Оно будетъ опираться на ту дѣйствительность, которая была скрыта отъ глазъ познающаго истину, а именно, на *потенціальную* дѣйствительность. Современная дѣйствительность потенціально заключаетъ въ себѣ дѣйствительность, грядущую ей на смѣну. Познавая эту потенціальную дѣйствительность, мы будемъ прозрѣвать въ будущій міръ. Познаніе истины, объясняя актуальную дѣйствительность, шло иногда дальше этой дѣйствительности (метафизика). Познаніе лжи также будетъ выходить за предѣлы потенціальной дѣйствительности.

15. Для того, чтобы претвориться въ природу, человѣкъ долженъ вступить въ борьбу съ человѣкомъ, онъ долженъ побороть въ себѣ человѣка. Ему необходимо стать побѣдителемъ самого себя. Послѣ побѣды надъ природой (par excellence), ему предстоитъ разрѣшить новую задачу, восторжествовать надъ собой и своей идеологіей. Двѣ величайшія катастрофы исторіи: 1) гибель матеріальнаго капитала; 2) гибель духовнаго капитала.

16. Если инстинктъ физическаго самосохраненія заключается въ минимумѣ психики, то инстинктъ духовнаго самосохраненія заключается въ минимальной физикѣ.

17. Слишкомъ вооруженные корабли легко идутъ на дно.

18. Демократизмъ губитъ классовыя различія на основѣ матеріи, но не на основѣ духа.

19. По мѣрѣ роста человѣческой чувствительности къ будущности человѣка и по мѣрѣ предвосхищенія будущей гармоничности и идеальности человѣческаго существованія, въ душѣ человѣка все болѣе разрастается отрицательное отношеніе къ этому «великому и славному» человѣку будущаго со всѣми его чудесными аттрибутами: «добрый, правдивый и прекрасный»... Отсюда слѣдуетъ заключить: мысленная реализація міра идеаловъ влечетъ за собой тенденцію психики къ злу, лжи и уродству. Этимъ предотвращается роковая для жизни опасность реализаціи современныхъ идеаловъ. Ибо реализовать идеалъ—значитъ аннулировать его, отнять у него магнитическую силу.

20. Озвѣрѣвшая мысль—великая преступница, запускающая свои когти и зубы въ человѣческое сердце.

21. Для осуществленія любого шага однихъ внутреннихъ стимуловъ бываетъ недостаточно: поэтому личность, рѣшившаяся на него, инстинктивно ищетъ и внѣшней безысходности своего положенія. Подъ вліяніемъ уже сложившагося внутренняго рѣшенія, эту безысходность (во всѣхъ прочихъ перспективахъ), легко найти: любое внѣшнее событіе, неожиданно и непредвидѣнно разыгравшееся на фонѣ личной жизни, въ глазахъ рѣшившагося становится тупикомъ, регламентирующимъ рѣшеніе дѣйствовать такъ, а не иначе.

22. Символъ и его цѣнность: она въ томъ, что все невысказанное и невысказываемое можно выразить символически. Тайна, благодаря символу, станонится явью, принадлежащей будущему.

23. Сущность пошлости—*тяготѣніе* души къ добру и доброй жизни.

24. Обладаете ли вы способностью во всемъ встрѣчномъ видѣть нѣчто уже знакомое вамъ; видите ли вы лицо, или домъ, или заливъ, слышите ли вы мотивъ, шелестъ волны,

крикъ младенца—вы тотчасъ же замѣчаете странное, мистическое воскресеніе прошлаго...

25. Я отрицаю современныхъ *утѣшителей* человѣка (ergo—«великихъ людей»). Болѣе же всего тѣхъ изъ нихъ, въ душѣ которыхъ умерла трагедія утѣшителя и мѣсто ея заступила солидная положительность и категоричность сужденій. Мои предшественники—это тѣ, которые обладали сердцами, полными не крови, а яда, и которые могли лишь бередить раны человѣческой совѣсти, а не лѣчить ихъ и заниматься рецептурой.

26. Что мѣшаетъ углубленію человѣческой мысли и молніямъ человѣческаго сердца въ незнакомыя нѣдра и лабиринты души? Эту помѣху я нахожу въ той грани, которою люди замыкаютъ общительность съ собой и другими. Отсюда—недоговоренность. Недоговоренность тормозитъ таинство бесѣды человѣка съ грознымъ демономъ его сердца и заглушаетъ громы проклятой мысли.

27. Пошлость узурпировала все потому, что современный человѣкъ еще чтитъ свою привязанность къ состарившимся богамъ и цѣнностямъ. Охватила она и современную литературу: послѣдняя одержима траги-комичнымъ вдохновеніемъ, разлагающимися цѣнностями прошлаго человѣка.

28. Слишкомъ сильно натянутая струна рвется отъ малѣйшаго прикосновенія. Ея первый аккордъ—ея лебединая пѣснь.

29. Мнѣ извѣстно то страшное изступленіе души, когда перестаешь чувствовать себя человѣкомъ: что-то другое, нечеловѣческое, опьяняетъ мое сердце разрушительнымъ пламенемъ, что-то сатанинское охватываетъ душу... Это—страшное, еще невѣдомое міру таинство,—таинство претворенія человѣка въ Сына Сатаны.

30. Бываютъ удивительныя состоянія духа, когда, кажется, само огненосное солнце завидуетъ знойному сердцу.

31. Ницше говоритъ: «лучшіе изъ васъ будутъ все больше и больше гибнуть». Почему? Потому что идеалъ лучшихъ не добро, а зло. Господинъ, пресыщенный собой, жаждетъ рабства. Побѣдитель ищетъ пораженія. Человѣкъ, стремясь къ злу, т. е. перевоплощаясь въ природу, матерію, тѣмъ самымъ сознательно и добровольно кладетъ начало новому циклу мірового движенія. Свободно матеріализуя свой духъ, онъ тѣмъ самымъ влагаетъ высшій смыслъ (ergo: свой разумъ, т. е. идею вѣчнаго круговорота силъ космоса) въ стихіи природы. Остальныхъ людей также ждетъ метаморфоза въ природу, но они этого достигнутъ уже инымъ путемъ: путемъ побѣды надъ природой, т. е. путемъ тяготѣнія къ идеальному добру. Побѣдивъ природу, человѣкъ окажется *смертельно пораженнымъ своей побѣдой*: онъ перестанетъ быть побѣдителемъ, ибо побѣждать будетъ больше нечего. Первые побѣдятъ человѣка и потому станутъ природой. Вторые побѣдятъ природу и потому отождествятся съ ней.

32. «Борьба съ человѣкомъ»—вотъ что должно быть начертано на знамени моемъ и моихъ соратниковъ по бунту. Я—отступникъ и предатель сына человѣческаго. Я—Іуда по отношенію къ человѣку, ибо предаю человѣка въ руки природы:—его смертельнаго и извѣчнаго врага.

33. Новый міръ откроется человѣку лишь тогда, когда онъ раскроетъ ворота тюремъ и каторги и преклонитъ колѣни передъ вышедшими на свободу.

34. Современный міръ заключилъ новый, нарождающійся міръ въ кандалы и тюрьмы, но прійдетъ время и заключенные будутъ свободны, а свободные заточены въ темницы.

35. Борьба съ человѣкомъ должна состоять, главнымъ образомъ, въ борьбѣ съ тѣмъ, предъ чѣмъ человѣчество по-

чтительно гнетъ шею. Лишить человѣка того, предъ чѣмъ онъ преклоняется и что вдохновляетъ его на *человѣческую* жизнь и оправдываетъ ее— значитъ лишить человѣка цѣнности, *обезцѣнить человѣка*, вселить въ его душу отвращеніе къ себѣ и, тѣмъ самымъ, поставить его съ глазу на глазъ съ роковыми дилеммами человѣческой жизни, разрѣшеніе которыхъ только и возможно съ разливомъ ненависти къ человѣку.

36. Во всякомъ философскомъ спорѣ легко уловить двѣ антагонистическія тенденціи мышленія: одна—соціалистическая, другая—индивидуалистическая. Съ моей точки зрѣнія соціализмъ есть результатъ всѣхъ сбереженій морали прошлаго, а индивидуализмъ, напротивъ, результатъ разрушенія моральныхъ цѣнностей и начало установки новыхъ критеріумовъ моральнаго и религіознаго сознанія.

37. Два пути къ природѣ: путь завоеванія человѣкомъ природы и путь завоеванія человѣкомъ человѣка *для* природы. Первый путь—путь соціализма; второй путь — путь индивидуализма.

38. Индивидуалиста характеризуетъ даръ предвосхищенія грядущаго соціалистическаго ублюдства.

39. Могучая, титаническая воля, вскормленная рѣдкимъ напряженіемъ огненной стихіи, похищенной съ неба, — такая воля ищетъ для себя самаго запретнаго, самаго недозволеннаго дѣла и, вопреки многолосому гимну величественному духу человѣка, не только шлетъ ему проклятіе, но и уничтожаетъ его молніей своей...

40. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я — антиподъ Ницше. Ницше утверждаетъ инстинктъ самосохраненія у «аристократіи духа», я же отрицаю его. Идеаломъ аристократа духа должно быть самопреодолѣніе и преодолѣніе себя въ другихъ.

41. Мое декадентированное «я» всегда являлось для меня (т. е. для моего творческаго «я») незамѣнимымъ спут-

пикомъ, вѣрнымъ псомъ, бредущимъ у самаго края бездонной пропасти и, тѣмъ самымъ, охранявшимъ мое творческое «я» отъ преждевременной гибели.

42. Особенность моего организма состоитъ въ его гипертрофичной *чуткости къ опасности* Особенность моей психики можетъ быть разсматриваема, какъ горячая *любовь къ опасности*, — какъ неисчерпаемый кладъ новыхъ дерзаній за предѣлы человѣческихъ горизонтовъ. Эти двѣ особенности моей индивидуальности опредѣляли мой путь: вблизи отъ *бездны*, на далеко отъ ея рокового *дна*. Моя психика, болѣе чѣмъ какая-либо другая, знала законъ равновѣсія силъ жизни и смерти: поэтому она могла не бояться почти смерти, почти безумія, почти гибели...

43. Вся моя жизнь сопровождалась быстрымъ угасаніемъ тѣхъ путевыхъ огней, которые свѣтятъ человѣку. Мое сердце и мое сознаніе проникались чувствомъ и мыслью, что съ каждымъ шагомъ я все болѣе и болѣе удаляюсь отъ человѣка,—съ каждымъ шагомъ все болѣе отрѣзаю отъ себя пути къ человѣческому... Точно какая-то невидимая рука непрестанно шарила въ моей душѣ и уносила изъ нея все новые устои всего человѣческаго въ ней:—до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что *какъ человѣкъ* я мертвъ, а мѣсто человѣческой души заняло безграничное какъ небо отчаяніе... И вотъ... это отчаяніе, которымъ, какъ мнѣ казалось, дышетъ и отравляется земля и природа, вдругъ освѣтилось тѣмъ огнемъ дерзанія, который не могъ быть видимъ при свѣтѣ человѣческаго дня... Какъ волхвъ, я иду за этимъ новымъ огнемъ и, какъ волхвъ, надѣюсь на новый колоколъ и его пѣснь пробужденія отъ сладкаго сна, навѣяннаго наркотиками—идеалами. Я знаю, когда раздается первый звонкій ударъ этого колокола, когда небо и земля содрогнутся отъ быстроногаго эха—тогда мой трупъ поплыветъ: такъ усердно

АКАДЕ



будутъ отплевываться мои благочестивые современники... Крѣпись сердце! Ты купалось уже въ слезахъ, пріими же отъ человѣка новое, послѣднее крещеніе...

44. Что должно отличать «сверхчеловѣка»? Очевидно, что такой отличительной чертой должна быть *воля*, направленная противъ человѣка, т. е. противъ того, что въ человѣкѣ есть особенно человѣческаго. Впрочемъ, мой вкусъ не переноситъ этого хвастливаго слова «сверхчеловѣкъ». Я бы его замѣнилъ другимъ: «нечеловѣкъ», въ смыслѣ антипода человѣку, т. е. олицетворенной природы. Миссія нечеловѣка—миссія природы: перевоплощеніе человѣка въ природу. Выполненіе этой миссіи начинается съ осознаніемъ, свободнымъ пріятіемъ новаго круговорота міровой жизни и міровой смерти. Въ существующемъ вселенскомъ круговоротѣ вещей и событій онъ *узнаётъ* свою воплощенную волю, питавшуюся искони отрицаніемъ всего *самоцѣннаго*. Въ своемъ самопознаніи онъ доходитъ до осознанія въ себѣ мірового законодателя и распорядителя міровыхъ человѣческихъ судебъ.

45. Во мнѣ нѣтъ ничего фанатичнаго. Моя жизнь—примѣръ рѣдкаго созвучія страсти и убѣжденія. Страсть къ познанію привела меня къ ученію и выработкѣ практики индивидуализма потому, что въ моемъ познаніи было меньше всего удовлетворенія простой научной любознательности. Знаніе ради знанія я презираю. Мое познаніе было непрестанными поисками моей судьбы: въ жизни или смерти. Мое познаніе было исканіемъ дѣла, достойнаго меня. Не заглядывать въ таинственные глаза Сфинкса, не вопрошать его—для меня значило пасть, опошлиться, пойти ко дну и заполнить свое сердце самопрезрѣніемъ... Я всегда чувствовалъ, что мое познаніе несетъ мнѣ или гибельное торжество, или презрѣнную гибель.

46. Человѣкъ слишкомъ густо кладетъ розовыя краски на полотно своей будущности.

47. Герои Достоевскаго, при взглядѣ на мощную красоту природы, испытываютъ жгучее чувство одиночества и отщепенства. Не чувствовать себя такъ они въ жизни не могутъ. Поэтому ихъ смерть, — ихъ перевоплощеніе въ природу, — единственный исходъ для ихъ мятежныхъ сердецъ. Для нихъ близость природы возможна лишь черезъ смерть.

48. Герои Достоевскаго чувствуютъ себя *единственными* въ мірѣ живыми существами. «Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругомъ нихъ молчаніе — вотъ бѣда» («Кроткая»). Души ихъ изнываютъ отъ холода и молчанія кладбища... Что же имъ дѣлать? Какъ оживить землю? какъ поднять мертвецовъ изъ сырыхъ могилъ? какъ одухотворить природу? Отвѣтъ одинъ: надо отдать свою душу природѣ, надо распять свой духъ и, тѣмъ самымъ, воскресить его въ природѣ, снять печать молчанія съ устъ мертвыхъ, превратить въ дворцы жизни склепы и могилы... Природа ищетъ избавителя, ищетъ человѣка, своей смертью возрождающаго ее къ новой жизни...

49. Убить свою душу, это значитъ—отдать ее природѣ и дѣлу природы, а не человѣку и дѣлу человѣка.

50. Власть надъ человѣкомъ дается лишь одному побѣдителю всего человѣческаго въ себѣ,—лишь нечеловѣку.

51. Я уже неоднократно умиралъ отъ пьянства (Эдг. По), отъ разврата (Оск. Уайльдъ), отъ безумія (Фр. Ницше), отъ самоубійства (Отто Вейнингеръ). Моя душа живетъ моей стоглавой смертью въ прошломъ, муками дерзанія моихъ прообразовъ въ прошломъ, моихъ отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ по духу, по проклятію...

52. Женщина—тѣнь мужчины, отъ которой онъ тщетно старается бѣжать въ полдень своей жизни.

53. Мое слово—*послѣднее слово* человѣку,—послѣднее, что еще можно сказать ему.

54. Бываютъ минуты, когда какое-то незримое чудовище тихо подкрадывается ко мнѣ, тихо, какъ бы ласкаясь, схватываетъ грудь и голову въ свои странныя объятія, смотритъ своимъ взглядомъ каменнаго ужаса и отчаянія мнѣ въ глаза и затѣмъ уходитъ, улетучивается такъ же осторожно, невидимо, какъ и появилось... Послѣ такихъ минутъ я какъ-бы чувствую, что мое сердце уронило кровавую каплю въ вѣчность и моя мысль одѣлась въ траурные покровы смерти... Чувствую также, что моя душа какъ бы потемнѣла отъ дыханія исчезнувшаго призрака...

55. Спасаютъ падающаго. «Спаситель» явился для спасенія человѣка и, тѣмъ самымъ, не далъ очистить землю отъ разлагающагося и смердящаго паразита земли. Двѣ тысячи лѣтъ длился искусъ, созданный «Спасителемъ» для человѣка, и послѣдній своей жизнью доказалъ безплодность и ненужность этого искуса: человѣкъ все болѣе окончательнѣетъ душой и тѣломъ... Нуженъ спаситель отъ «Спасителя»...

56. Двѣ тысячи лѣтъ человѣкъ боролся со «Спасителемъ», не хотѣлъ и не могъ его принять, ибо *высшее* въ человѣкѣ, все нечеловѣческое въ немъ, было вмѣстѣ съ духомъ, искушавшимъ «Спасителя» (Достоевскій), и противилось христіанскому спасенію.

57. Человѣкъ, безпощадно убивавшій всѣхъ своихъ боговъ и низводившій ихъ съ пьедесталовъ въ грязь — этотъ человѣкъ стоитъ теперь передъ рѣшеніемъ новой, послѣдней задачи: низвергнуть и себя въ одну изъ могилъ на кладбищѣ боговъ. Фейербахъ, вопреки желанію, вырылъ могилу для человѣка.

58. Человѣкъ скоро пойметъ роковыя слова: «ничто не самоцѣнно». Нѣтъ самоцѣнности и въ человѣкѣ, въ богат-

ствахъ его духа, въ роскоши его культуры, въ величайшихъ свѣточахъ—геніяхъ и талантахъ—его царства.

59. Ницше съ большой охотой называетъ себя психологомъ и менѣе охотно философомъ. Это вполнѣ объяснимо, если вспомнить, что философія за послѣднее время становится все болѣе психологической и теряетъ свой прежній логическій характеръ. Ея задачи все болѣе и болѣе тѣсно сплетаются съ проблемами загадочной психологіи современной индивидуальности.

60. «Вредное» для всего человѣческаго въ человѣкѣ, «полезно» для всего природнаго въ немъ, e vice versa.

61. Послѣ того, какъ Богъ сталъ человѣкомъ,—Онъ станетъ Сатаной. Такова послѣдовательность божественныхъ судебъ. Душа современнаго человѣка—арена, борьбы Діавола съ Богомъ.

62. Свободнымъ творчествомъ своей собственной гибели могущественные люди торжествуютъ надъ ней, отнимаютъ у нея главное ея жало: насиліе.

63. Проблема: что является необходимостью для перевоплощенія человѣка въ природу? Слѣдуетъ ли видѣть ее въ отрицаніи всего человѣческаго, или же въ отрицаніи того, что утверждается человѣкомъ? Другими словами: можетъ ли быть одержана побѣда надъ человѣкомъ путемъ отрицанія и его боговъ, и объектовъ его проклятій и отвращенія? Или таковая возможна лишь послѣ того, какъ все проклятое человѣкомъ, все убійственное для него, найдетъ своихъ избранниковъ и, такимъ образомъ, выработаетъ планомѣрную организацію борьбы съ человѣкомъ? Выражаясь кратко: слѣдуетъ ли нечеловѣку занять позицію потусторонности по отношенію къ человѣку или, напротивъ, ему нужно стать по ту сторону человѣческаго въ человѣкѣ и по сю сторону нечеловѣческаго въ немъ? Если бы мы эту чрезвычайно важную проблему

индивидуалистической философіи разрѣшили въ первомъ смыслѣ, то нечеловѣкъ, обреченный на потусторонность, долженъ былъ бы ограничиться пассивной ролью созерцателя и не могъ бы активно, дѣйственно способствовать торжеству природы надъ человѣкомъ. Ему не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было бы вести борьбу. Онъ утерялъ бы самое себя... Напротивъ, при рѣшеніи иномъ, нечеловѣкъ долженъ направить свою одинокую и закаленную волю противъ всего человѣческаго, т. е. онъ подниметъ знамя *бунта противъ бунта* человѣческаго, противъ борьбы человѣка со зломъ, ложью и уродствомъ... Философія потусторонности не можетъ создать *индивидуалистической практики.* «По ту сторону добра и зла»—значитъ по ту сторону человѣка и природы. Съ такой формулой активный индивидуалистъ согласиться не можетъ, ибо она отводитъ его въ сторону отъ борьбы, а не бросаетъ его въ гущу ея. Выступленіе нечеловѣка въ качествѣ бойца, а не зрителя, внесетъ рѣзкое смятеніе въ ряды человѣческой арміи, — то самое роковое смятеніе, которое обусловливается всякой неожиданной измѣной и которое разрушаетъ въ арміи всякую дисциплину... Измѣнники должны свои немногочисленныя силы направить противъ генераловъ арміи человѣка—противъ королей духа,—противъ тѣхъ, однимъ словомъ, которые руководятъ человѣческимъ движеніемъ—«прогрессомъ», и которые охраняютъ человѣка какъ зѣницу своего ока... Вопросъ: какое смятеніе создалось бы во французской арміи, если бы былъ убитъ во время горячаго сраженія самъ Наполеонъ?!..

64. Многіе факты изъ жизни Гераклова духа говорятъ мнѣ о томъ, какъ природа черезъ посредство болѣзни вліяетъ на психику рѣдкихъ, ницшевскихъ индивидуальностей: она приближаетъ ихъ къ себѣ и дѣлаетъ ихъ своими глашатаями, поборниками и защитниками въ борьбѣ съ человѣческими цѣн-

ностями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она и охраняетъ эти индивидуальности отъ преждевременной гибели, надѣляя ихъ такими болѣзнями, которыя создаютъ совсѣмъ особенное тѣло, — тѣло, легко поддающееся одухотворенію.

65. Въ «Сумеркахъ боговъ» Ницше говоритъ о томъ, что «ничто не безобразно, кромѣ вырождающагося человѣка». Но если человѣкъ вообще осужденъ на неминуемое вырожденіе, то цѣль символическаго творчества, предвосхищающаго человѣческое будущее, можетъ быть опредѣлена, какъ изображеніе наиболѣе безобразнаго человѣка, наиидеальнѣйшаго дегенерата.

66. Путемъ науки и соціализма человѣкъ завоевываетъ природу, утилизируетъ ее, очеловѣчиваетъ ее, — однимъ словомъ, приближаетъ природу къ человѣку. Очеловѣчивая природу, это движеніе («прогрессъ»), вызываетъ къ жизни сыновъ природы, индивидуалистовъ. Антропоморфизація природы достигаетъ наконецъ той грани, когда природа выступаетъ среди человѣчества въ лицѣ человѣка,—въ лицѣ титанической воли, огненной лавой надвигающейся на все человѣческое, на все отставшее... Душа индивидуалиста, это — воскресшая, первобытная природа, это — воскресеніе безчеловѣчной природы, вызванное долгимъ и неустаннымъ перевоплощеніемъ человѣка въ природу... Жизнь этихъ индивидуалистически и демонически настроенныхъ бунтарей вопіетъ къ человѣку и говоритъ ему о той роковой дистанціи, которая раздѣляетъ жизнь человѣка — господина природы — отъ жизни человѣка — раба природы. Первый органически слился съ природой, сталъ ея невидимымъ внутреннимъ рычагомъ, дающимъ ей воскресеніе и жизнь, раскрѣпощающимъ ее, открывающимъ ей двери въ царство свободы отъ человѣка. Его воля — воля природы, поднимающей знамя бунта противъ всего человѣческаго,—противъ цѣпей, которыми человѣкъ сковалъ и изуродовалъ природу. Онъ

чуждъ раболѣпства у природы: онъ слишкомъ глубоко проникся надеждами на торжество природы и, слѣдовательно, вполнѣ и съ радостью принимаетъ на себя тѣ цѣпи, которыми природа заковываетъ все, что осталось еще въ немъ человѣческаго, осужденнаго имъ самимъ, оскверняющаго его новую волю и высшую надежду. Онъ—съ природой и *за* природу. Поэтому онъ *противъ* себя, когда противъ него природа... Когда природа, какъ вѣрная подруга его дней и ночей, говоритъ ему объ отреченіи отъ самосостраданія,—отъ состраданія къ человѣческому въ немъ,—онъ чувствуетъ и сознаетъ, что этотъ же голосъ исходитъ и изъ нѣдръ нечеловѣческой стихіи, бьющейся своими могучими крыльями въ его груди... Пѣсня его сердца, вспоеннаго нечеловѣческими желаніями и надеждами,—это пѣсня и солнечнаго дня, и ликующей звѣздной ночи...

Совсѣмъ иную позицію занимаетъ человѣкъ, раболѣпствующій у природы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тщетно ищущій лавровъ для своей слишкомъ умной, слишкомъ большой головы. Онъ не можетъ и не хочетъ регламентировать право природы на воскресеніе и первобытную свободу отъ всего человѣческаго, наноснаго въ ней. Онъ ищетъ свободы лишь для себя, но—увы!—она не дается ему въ руки... Онъ не цѣнитъ и не хочетъ принимать (хотя за это расплачивается постояннымъ насиліемъ надъ собой) даровъ природы: болѣзней, смерти, разрушенія человѣческихъ надеждъ и идеаловъ. Въ немъ еще не родился (и, повидимому, никогда не родится) нечеловѣкъ. Поэтому, побѣждая природу, онъ всегда чувствуетъ себя побѣжденнымъ ею. Вся его «культура»—не что иное, какъ та же природа, принявшая новыя формы, но попрежнему закабаляющая и насилующая «культурнаго человѣка». Онъ ждетъ воскресенія и спасенія, не понимая, что воскрешать и спасать нужно не его, а природу, и что воскресшая природа—тотъ же воскресшій во плоти и сказочной роскоши духъ человѣческій.

Ему невѣдомо великое таинство вѣчнаго возвращенія, вѣчной смерти и воскресенія...

„Рабомъ родился человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ“...

Этими словами поэта можно сказать о немъ, о его жалкихъ судьбахъ. Не имѣя душевной силы полюбить свою гибель, онъ никогда ничего не узнаетъ о томъ перевоплощеніи человѣческой души, когда она будетъ сіять и ликовать въ миріадахъ красокъ, будетъ пѣть въ нѣдрахъ земли и надзвѣздныхъ высотахъ свою пѣснь опьяненія и воскресенія... когда и огнедышащее небо и ослѣпленная земля будутъ съ трепетомъ вслушиваться въ слова ея молитвы... когда и пѣнящіеся валы морской стихіи, и таинственный шопотъ лѣсной чащи будутъ разносить славу ея безсмертнаго подвига... когда задумчивыя сѣдыя горы и опьяненныя мечтой долины будутъ замирать отъ ея музыки, — той самой музыки, которую греки называли «музыкой сферъ»...

67. Познаніе ведетъ человѣка къ саморазрушенію, къ разрушенію всего человѣческаго въ немъ... Издревле человѣкъ чувствовалъ въ глубинахъ своего сердца, что познаніе гибельно *для человѣка* и тѣмъ не менѣе именно познаніе было центромъ тяжести всѣхъ человѣческихъ волненій, переживаній и надеждъ. Его *человѣческое* сознаніе говорило ему о роковой судьбѣ «вкусившаго отъ древа познанія», но его высшій инстинктъ,—инстинктъ *нечеловѣческаго* самосохраненія—упорно толкалъ его все дальше и дальше къ безднѣ для человѣка и жизни для природы.

68. Величайшимъ добромъ у человѣка почитается самопожертвованіе для человѣка. Но не для человѣчества жертвуютъ своей жизнью индивидуалисты—практики, а для природы, для той самой природы, въ борьбѣ съ которой гибнутъ люди—

жертвы... Не человѣческую смерть отнимаютъ они у природы, а *человѣческую* жизнь отнимаютъ у человѣка, ибо жизнь человѣка—смерть природы, смерть человѣка—жизнь природы.

69. Съ лицомъ человѣка, но съ мятежной душой первобытной, неочеловѣченной природы! Съ лицомъ человѣка, но съ убійственнымъ для человѣка огнемъ въ груди! Съ лицомъ человѣка, но съ противными человѣческому благополучію желаніями! Съ лицомъ человѣка, но съ сердцемъ, живущимъ проклятіемъ человѣку и его царству на землѣ! Таковъ образъ Дьяволочеловѣка. Человѣческое лицо—маска природы, нужная ей для побѣды надъ человѣкомъ.

70. Протестъ противъ человѣколюбія и провозглашеніе принципа любви къ себѣ—это явленія эмбріональнаго порядка: они лишь сопутствуютъ развитію въ психикѣ того чувства *любви къ природѣ*, которое можетъ вырасти и окрѣпнуть лишь на почвѣ презрѣнія ко всему человѣческому: къ человѣческой дѣятельности и человѣческимъ идеаламъ.

71. Отрицая человѣческую идеологію, индивидуалистъ отрицаетъ человѣка будущаго: онъ отрицаетъ человѣка вообще. Я имѣю въ виду, конечно, свой индивидуализмъ, который можно было бы окрестить (если въ этомъ можетъ быть надобность) именемъ *натуралистическаго индивидуализма*. Мое «я», моя «сущность»—природа, принявшая, въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ человѣкомъ, форму индивидуальности. Бунтъ подобной индивидуальности противъ всѣхъ человѣческихъ нормъ—бунтъ самой первобытной природы.

72. У Достоевскаго подпольный человѣкъ пишетъ: «Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся, — не будемъ знать, куда примкнуть, чего придерживаться; что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать?» «Оставить безъ книжки»—значитъ оставить безъ творящихъ эти «книжки», безъ поэтовъ, философовъ, ученыхъ

и т. д.; ergo—оставить безъ «властителей думъ»,—безъ тѣхъ, которые своимъ царственнымъ существованіемъ оправдываютъ жизнь толпы и придаютъ ей цѣнность. Это значитъ—изобличить индивидуальное убожество современнаго «интеллигента», который безъ указки не можетъ сдѣлать ни единаго шага. Это значитъ отнять у духовной жизни современнаго человѣка всю ту почву, которая была пріуготовлена для него «представителями рода человѣческаго», подъ опекой которыхъ только и могъ существовать «духовный обликъ» человѣка. Этотъ «духовный обликъ»—маска, скроенная для человѣка «великими людьми». Человѣкъ—ублюдокъ, человѣкъ—выродокъ предстанетъ во всей своей неприкрашенной наготѣ, когда ему прійдется въ сферѣ духовныхъ матерій полагаться исключительно на самого себя, когда предъ нимъ предстанетъ роковая дилемма: или самостоятельно найти пути для себя, или съ полнымъ самообладаніемъ порвать нить своей безсмысленной и жалкой «жизни». Когда «интеллигентъ» «не будетъ знать, куда примкнуть, чего придерживаться; что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать»—тогда ему прійдется съ глазу на глазъ столкнуться съ тѣмъ *первобытнымъ хаосомъ* (или первобытной природой), съ той крайней распыленностью человѣческаго и мірового существованія,—которые являются не чѣмъ-либо готовымъ и опредѣленнымъ, а лишь сырымъ матеріаломъ, изъ котораго избраннымъ предстоитъ создать «рычагъ, сдвигающій міры». Весь современный «міропорядокъ» и «строй жизни» рухнутъ на глазахъ такого, освобожденнаго отъ фальшивыхъ очковъ, взгляда: онъ перестанетъ видѣть въ себѣ «частицу мірозданія», законамъ котораго онъ поневолѣ повинуется; онъ или перестанетъ видѣть самого себя (и только), или увидитъ себя въ новомъ свѣтѣ: увидитъ себя призваннымъ къ творчеству изъ хаоса новаго міра, въ кото-

ромъ его мѣсто не будетъ мѣстомъ человѣка, а будетъ мѣстомъ «духа», оживляющаго собой царство природы.

73. Формула Ницше: отъ человѣка къ „сверхчеловѣку“. Моя формула: отъ человѣка къ природѣ.

Разсматривая эти двѣ формулы, я задаюсь вопросомъ: не имѣютъ ли точекъ соприкосновенія ницшевскій „сверхчеловѣкъ“ и моя природа. Ихъ найти не трудно, если вспомнить, что и Ницше говоритъ о „возвращеніи къ природѣ“, при чемъ однимъ изъ „экземпляровъ“ такого „возвращенія“ называетъ Наполеона. Природа сверхчеловѣчна по существу; поэтому, если Ницше говоритъ о „сверхчеловѣкѣ“, индивидуальности, то эта новая разновидность индивидуальности должна быть разсматриваема какъ та форма, которою облекается природа при борьбѣ съ человѣкомъ.

74. Нечеловѣчески - божественному я противопоставилъ нечеловѣчески-діавольское.

75. Моя философія обращена лицомъ къ будущему. Мой методъ—*методъ проспективный*,—методъ прозрѣванія въ будущее.

76. Я—со стихіями, и—противъ человѣка.

77. Человѣка-коллективиста насилуетъ природа; „человѣка“ - индивидуалиста—человѣкъ. Первый живетъ надеждой на освобожденіе отъ оковъ природы и законовъ ея, второй жаждетъ свободы отъ человѣка и его нормъ. Поэтому, воля индивидуалиста, это—воля природы, крестившей его новымъ огнемъ,—огнемъ отвращенія и ненависти ко всему человѣческому. Она сдѣлала изъ него орудіе своего бунта противъ царства изнасиловавшаго ее культурнаго человѣчества.

78. Цѣною гибели своего человѣческаго „я“, индивидуалистъ - демонистъ (практикъ) освобождаетъ творческія силы природы и звономъ своего колокола пробуждаетъ ее къ безчеловѣчной, великой жизни. Созданный природой онъ возвра-

щаетъ ей себя:—ея даръ, и знаетъ, что она вернетъ ему—его. Свободно творя самовозвращенье, самовоскрешеніе, онъ, тѣмъ самымъ, творитъ свою смерть ради своего безсмертія и свое безсмертіе—ради смерти. Ибо въ его смерти—его безсмертіе, въ его безсмертіи—его смерть.

79. Личность, имѣющая *противъ* себя все человѣчество, тѣмъ самымъ, очевидно, утеряла свою человѣчность, связующую всѣхъ прочихъ въ единое солидарное цѣлое. Но именно благодаря такой оторванности отъ человѣчества,—его путей и идеаловъ,—эта личность становится интегральнымъ элементомъ иной, нечеловѣческой цѣлостности, борьба съ которой является рычагомъ общечеловѣческаго организаціоннаго процесса. Эта цѣлостность именуется природой. Съ ростомъ человѣческаго „прогресса“ (объединенія), выясняется все болѣе и болѣе та индивидуалистически-замкнутая сфера рѣдкихъ, антагонистически по отношеніи къ человѣку настроенныхъ, переживаній, которыя не могутъ и не хотятъ пріобщенія къ этому „прогрессу“,—которыя не могутъ имѣть мѣста въ организовавшемся человѣчествѣ. Эти переживанія—черта, предѣлъ, положенный природой отъединенію человѣка отъ нея и объединенію человѣка во имя побѣды надъ ней. Эти переживанія и создаютъ въ суммѣ индивидуальный обликъ бунтаря-индивидуалиста, возставшаго на „святая святыхъ“ человѣческаго храма, именуемаго „культурой“.

80. Сынъ Діавольскій = сынъ природы. Это равенство находитъ свое оправданіе благодаря тому, что подъ природой здѣсь понимается нѣчто антагонистически настроенное по отношенію къ человѣку, т. е. лишь злая природа,—лишь *постольку* природа, поскольку она нечеловѣчна, идетъ въ разрѣзъ съ инстинктомъ человѣческаго самосохраненія и всего сонма идеаловъ и идей, продуцированныхъ имъ. Въ противоположность Іисусу—Сыну Божьему и, вмѣстѣ съ тѣмъ Сыну

Человѣческому (т. е. божественному постольку, поскольку это совмѣстимо съ человѣческими чаяніями)—Сынъ Діавольскій есть постольку сынъ природы, поскольку демоническая natura оппозиціонно настроена по отношенію къ человѣку и поскольку она тождественна съ жестокими, антигуманными стихіями природы.

81. Этапами медленной, но непрестанной эволюціи нечеловѣческаго начала въ человѣчествѣ являются геніальныя личности [1]), т. е. тѣ самыя личности, которыя особенно сильно уклонялись отъ человѣческой нормы,—отъ *нормальнаго человѣка*. Отсюда слѣдуетъ, что предѣльная ненормальность въ то же время—предѣльная *безчеловѣчность*. Путемъ продуцированія геніальныхъ индивидуумовъ природа вела борьбу съ человѣкомъ. Начало возвышенія человѣка надъ природой было въ то же время началомъ борьбы природы съ человѣкомъ.

82. Человѣкъ увидѣлъ въ себѣ нѣчто самоцѣнное. Поэтому онъ надѣется на безсмертіе, но—увы!—вмѣсто него смерть все болѣе налагаетъ свою жестокую руку на его сердце. Онъ не хочетъ быть своимъ собственнымъ палачомъ,—палачомъ всего человѣческаго въ себѣ,—и, тѣмъ самымъ, кладетъ свою голову на плаху.

83. Прагматизмъ Джемса является симптомомъ крушенія европейской теоретики. Выдвигая приматность практики и подчиняя ей теорію, Джемсъ идетъ путемъ дискредитированія всякой теоретической системы, безплодной въ практическомъ (особенно въ религіозномъ) отношеніи. Современная теоретическая мысль, фиксированная кантовскими „синтетическими сужденіями a priori“, не можетъ вырваться изъ путъ без-

[1]) Мѣрило ихъ геніальности я отнюдь не усматриваю въ ихъ популярности, общепризнанности, а только лишь въ степени ихъ анормальности, ихъ нечеловѣчности.

жизненной пассивности. Теоретика утеряла свою цѣнность, ибо увидѣла въ себѣ нѣчто самоцѣнное. Въ дѣйствительности, критеріумомъ цѣнности научной мысли является ея философская продуктивность; критеріемъ цѣнности философской системы—ея религіозная продуктивность. Въ конечномъ счетѣ и наука, и философія—матеріалъ для религіозной утилизаціи. Что этой же цѣли служитъ искусство—это очевидно для всякаго, мало-мальски знакомаго съ тѣмъ религіознымъ освѣщеніемъ явленій современнаго искусства, которое вошло въ плоть и кровь нашей критики. Однако религіозный бунтъ, наканунѣ котораго мы живемъ, отнюдь не будетъ толстовскимъ *бунтомъ вспять:* — къ христіанству и ницшевскимъ бунтомъ:—къ язычеству. Этотъ религіозный бунтъ будетъ предвѣстникомъ *богоборческой* религіи, т. е. такой религіи, которая поведетъ страшную борьбу съ Богомъ и всѣмъ тѣмъ религіознымъ укладомъ человѣческой психики, который внушенъ человѣку образами Бога и Христа. Для того, чтобы двинуть религіозное сознаніе къ новымъ, нечеловѣческимъ горизонтамъ, нужно навсегда проститься съ обмелѣвшими берегами и могилой прошлаго. Не возвращаться назадъ: къ буддизму (Шопенгауэръ), язычеству (Ницше) и христіанству (Толстой), — а идти впередъ: —къ демонизму, къ сатаніанству и борьбѣ съ Богомъ и обожествленнымъ человѣкомъ...

84. Анатэма говоритъ Давиду Лейзеру: «Каждый рубль въ твоемъ карманѣ—это ножъ, который ты вонзаешь въ сердце голоднаго». Онъ правъ. Всякій человѣкъ—гнусный убійца, и гнусность его заключается въ томъ, что, убивая самъ, онъ позволяетъ себѣ клеймить убійцу—«преступника», налагаетъ на послѣдняго кандалы, дающіе ему—регламентированному убійцѣ—возможность продолжать свои убійства. Казня «преступниковъ», онъ скрываетъ отъ себя и другихъ свою собственную преступность.

85. Провиденціальное сознаніе бунтаря (бунтаря—въ богоборческомъ смыслѣ) освѣщаетъ «необходимость» ученіемъ о циклической природѣ вѣчности. Есть «необходимость» природы и есть «необходимость» человѣческая. Первая—нечто иное, какъ форма проявленія инстинкта самосохраненія у природы, вторая—у человѣка. Бунтарь - индивидуалистъ утверждаетъ первую и отрицаетъ вторую.

86. «Волей къ власти» одержимъ не только человѣкъ, но и природа. Отсюда—антагонизмъ между ними.

88. Моя формула: «нѣтъ ничего самоцѣннаго»—отнюдь не формула нигилизма. Въ ней менѣе всего консерватизма, ибо она выражаетъ собой представленіе о мірѣ, какъ о *борьбѣ* антагонистическихъ цѣнностей, ни одна изъ которыхъ не можетъ быть *окончательной*, статической цѣнностью. Нигилизмъ же, по существу своей психологической почвы, консервативенъ; отрицать все—все равно, что ничего не отрицать. Моя формула прямо противоположна формулѣ Протагора и позитивизма: «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей»; послѣдняя усматриваетъ въ человѣкѣ самоцѣнность. Выходъ изъ лабиринта антропопантеизма я нахожу въ томъ, что отрицаю цѣнность человѣка (а слѣдовательно отрицаю его и какъ «мѣру всѣхъ вещей») и утверждаю цѣнность природы.

89. Формула Спинозы: «Deus sive natura». Моя формула: «Diabolus sive natura». Для Спинозы природа была стихіей человѣка, благопріятствующей развитію и жизни его; для меня природа—стихія, исключающая изъ себя человѣка, смертельная для него. Спинозовская перспектива: человѣкъ *и* природа. Моя перспектива: *или* человѣкъ, *или* природа. Спинозой руководилъ инстинктъ человѣческаго самосохраненія; мной руководятъ инстинкты человѣческаго самоуничтоженія и нечеловѣческаго самосохраненія.

90. Борьба человѣка съ природой есть оборотная сторона

борьбы природы съ человѣкомъ. По мѣрѣ успѣшности борьбы человѣка съ природой, т. е. по мѣрѣ очеловѣченія природы, послѣ-няя, въ свою очередь, достигала все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ своей борьбы съ человѣкомъ,—до тѣхъ поръ, пока не воплотила своихъ силъ во *внѣшніе* человѣческихъ индивидуальностяхъ. Какъ человѣкъ, при его борьбѣ съ природой, пользуется человѣческими силами (т. е. силами природы въ человѣкѣ), точно также и природа, въ борьбѣ своей съ человѣкомъ, пользуется силами природы (т. е. силами человѣка въ природѣ).

91. Левъ Толстой вскрылъ невозможность для добродѣтельнаго человѣка борьбы со зломъ, т. е. невозможность добродѣтели вообще (ибо въ чемъ же другомъ можетъ заключаться активность добродѣтельнаго человѣка, какъ не въ преодолѣніи зла въ себѣ и другихъ?) при безкомпромиссномъ стремленіи человѣка къ добру.

92. Религіозная страсть человѣка къ чуду объясняется тѣмъ, что чудо есть явное нарушеніе законовъ природы. Въ чудѣ человѣкъ усматриваетъ актъ побѣды надъ своимъ антиподомъ—природой.

93. Предѣльный индивидуализмъ есть не что иное, какъ *теорія оголенія* первобытной глубины индивидуальности. Задача его глашатаевъ: уйти отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній духовнаго характера,—отъ всякаго духовнаго общенія,—во имя раскрытія своего первозданнаго, соприкасающагося съ тайной міра, существа.

94. Голосъ изъ подпольнаго, закулисснаго міра: «хочу полнаго отчужденія, хочу одиночества духовнаго».

95. У *человѣка* одинъ путь: путь самоуничтоженія. Одни самоуничтоженія достигнутъ путемъ стремленія къ добру; другіе—путемъ стремленія къ злу. Для однихъ смертельно добро, для другихъ—зло. Первый путь—путь прогресса;

второй путь—путь демонизма. Первые погибаютъ благодаря своему рабству; вторые—благодаря своему господству, ибо для раба столь же гибельны свобода и господство, какъ для господина—необходимость и рабство. Положеніе это въ связи съ фактомъ, что именно культурный рабъ хочетъ свободы (добра), а варваръ—господинъ ищетъ необходимости, природы (зла)—приводитъ къ выводу о несомнѣнности человѣческой катастрофы въ будущемъ.

96. Въ *современномъ* Толстомъ я вижу воплощенный символъ объекта *человѣческаго* преклоненія,—святыню человѣка, неприкосновенность которой онъ защищаетъ всѣмъ образомъ своей жизни.

97. Въ своей глубокой критикѣ морали нормальныхъ обитателей земли, Ницше характеризуетъ эту мораль, какъ мораль декаданса. Напротивъ, Нордау и прочіе врачи человѣческаго рода, оберегающіе норму отъ всякихъ уклоновъ, усматриваютъ декадентство въ индивидуализмѣ и его глашатаяхъ. Кто изъ нихъ правъ въ конечномъ счетѣ? Оба. Декадентство, вырожденіе—универсально, общечеловѣчно. Разница между ними та, чго первые борются съ вырожденіемъ во имя *сохраненія природы*, вторые—во имя *сохраненія человѣка*. Для первыхъ источникъ дегенераціи—человѣчество и его законы; для вторыхъ—природа и ея законы. Исчезновеніе дегенераціи будетъ одновременно и побѣдой человѣчества надъ природой и побѣдой природы надъ человѣкомъ. Къ этому еще прибавлю замѣчаніе, что въ то время какъ соціалистъ зрячъ лишь для человѣческой дегенераціи, индивидуалистъ имѣетъ дѣло съ *вырожденіемъ природы* и спасаетъ не человѣка отъ природы, а природу отъ человѣка.

98. «Свободный человѣкъ»—не что иное, какъ человѣкъ, освобожденный отъ всего человѣческаго въ себѣ, свободный отъ себя. Свобода человѣка—въ то же время его могила. «Че-

ловѣкъ», освобожденный отъ человѣка—это олицетворенная природа. Такой нечеловѣческій духъ,—духъ природы,—направляетъ всѣ свои силы, въ содружествѣ со стихіями природы, *противъ* человѣка. Онъ объявляетъ войну человѣку и въ своей человѣкоподобной маскѣ видитъ лишь орудіе своей борьбы.

99. Однимъ изъ аргументовъ соціалиста является тотъ quasi—фактъ, что классовый антагонизмъ создаетъ соціальныя условія, тормозящія проявленіе индивидуальныхъ силъ у того средняго культурнаго слоя, который всегда оказывался наиболѣе продуктивнымъ въ духовномъ творчествѣ. Но дѣло въ томъ, что какъ разъ именно этотъ антагонизмъ,—эта стиснутость средняго обывателя двумя полюсами населенія, съ которыми ему приходится вести ожесточенную и неумолчную борьбу для сохраненія самого себя,—именно онъ выращиваетъ индивидуальныя силы обывателя до размѣровъ «таланта» или «генія». Стремительность движенія всегда прямо пропорціональна силѣ, преодолѣваемой при движеніи. Среднему обывателю всегда грозятъ двѣ опасности утерять себя. Сдавленный тисками «сверху» и «снизу», онъ вынужденъ изощрять свою силу настолько, чтобы одному одолѣть двѣ антагонистическія силы и не утерять той личной свободы, которая необходима ему для индивидуальнаго расцвѣта.

100. Русскій геній—столь же азіатскій, *варварскій геній*, сколь и европейскій, культурный.

101. Культурный человѣкъ современности начинаетъ все съ большей силой ощущать культуру, какъ рокъ,—какъ давленіе жестокой силы, родственной природѣ. Такимъ образомъ, не только индивидуалистъ, но и соціалистъ «возвращается къ природѣ». Разница въ томъ, что для перваго въ природѣ—его свобода (отъ человѣка), а для второго—необходимость, насилующая его. Первый метаморфизируется въ «духа» природы, а второй—въ матеріальную природу. Однимъ

словомъ, первый—организаторъ, скульпторъ; второй—матеріалъ, глина. Первый смотритъ на второго какъ на объектъ своихъ операцій, возрождающихъ природу къ жизни.

102. Эпоха «Возрожденія» есть возрожденіе природы въ человѣкѣ: одинъ изъ историческихъ этаповъ воскресенія ея въ немъ.

103. Не самопознаніе нужно современному человѣку, а *познаніе въ себѣ не-себя*, нечеловѣка, природы. Познай не—себя!

104. Всякая одухотворенная натура можетъ узнать на личномъ опытѣ то интересное явленіе, что вмѣстѣ съ часами духовнаго оскудѣнія (часами нетворческими) приходитъ и наибольшая дряблость, хилость тѣла. Этимъ въ значительной степени объясняется тяготѣніе къ перу всѣхъ богатыхъ духомъ, но бѣдныхъ тѣломъ натуръ.

105. Природа сначала «пришибаетъ» человѣка въ «человѣкѣ» и, освободивъ, такимъ образомъ, нечеловѣческое въ немъ, дѣлаетъ жизнь такого прибитаго *человѣка* выразительницей своей воли.

106. Всѣ историческія эпохи дѣлятся на эпохи торжества человѣческаго въ человѣкѣ (XVIII вѣкъ напр.) и эпохи торжества природы въ человѣкѣ (XV вѣкъ).

107. Для меня «возвращеніе къ природѣ» означаетъ возвратъ къ борьбѣ съ человѣкомъ,—со всѣми нормами человѣческой жизни. «Возвратъ къ природѣ», это—возвратъ той междучеловѣческой анархіи, которая, подрывая почву у всего человѣческаго въ человѣкѣ, расчищаетъ путь для завоеваній природы и ея избранниковъ.

108. Мережковскій въ своемъ большомъ трудѣ «Левъ Толстой и Достоевскій» фиксировалъ душевную и религіозную драму Достоевскаго и обожествилъ тѣ антагонистическія начала, ни одно изъ которыхъ не одержало побѣды въ душѣ

Достоевскаго. Въ самомъ трагизмѣ раскола души на двѣ половины: одну языческую и сатанинскую, другую—христіанскую,—Мережковскій нашелъ какъ-бы религіозное удовлетвореніе и, тѣмъ самымъ, низвелъ трагедію на степень прозы. Ошибка Мережковскаго—въ статическомъ методѣ, которымъ онъ задался цѣлью освѣтить душу «жестокаго таланта».

109. Специфически - христіанское отрицаніе міра (природы) во имя сохраненія божественнаго человѣка отживаетъ свой долгій вѣкъ и уступаетъ мѣсто индивидуалистическому отрицанію человѣка со всѣми тѣми законами, которые онъ усмотрѣлъ въ сферѣ природнаго бытія. Истину, въ которой человѣкъ усматривалъ до сего времени идеалъ познанія и которая по существу есть удобное для человѣческаго благополучія истолкованіе природы—эту *человѣческую* истину настало время упразднить, какъ несоотвѣтствующую возрожденію природы проэкцію человѣческаго инстинкта самосохраненія.

110. Основной лейтмотивъ въ творчествѣ Достоевскаго: искушеніе человѣка Діаволомъ и Богомъ: оба указываютъ ему на могилу, ожидающую его.

111. Религія есть усмотрѣніе въ мірѣ великой тайны. Религіозное сознаніе характеризуетъ взглядъ на міръ какъ на воплощенную тайну.

112. Синонимы: «безличное» и «божественное»; «личное» и «сатанинское».

113. Слово Божіе: «да будетъ свѣтъ!» Слово Діавола: «да будетъ тьма!» Міръ есть вѣчная борьба божественныхъ и сатанинскихъ стихій.

114. Искушеніе Сатаны Богомъ, предлагающимъ ему всѣ царства за отреченіе.

115. Въ произведеніяхъ Эдгара По разлитъ и бушуетъ, какъ огненная стихія, *ужасъ таинственности* всего, предъ чѣмъ останавливается взоръ одинокаго человѣка. Для Эдгара

По нѣтъ ничего, кромѣ одной, все сковывающей, все окаменѣвающей, роковой и вѣчной *тайны*. Его поэзія широко открываетъ глаза человѣческіе,и долго... долго послѣ прочтенія того или другого его краткаго, какъ агонія смерти, произведенія—глаза читателя остаются безумно—широко открытыми и захлебывающимися мукой неизвѣстности... Полночная тишина отчаянія и крикливая таинственность дня обуревали и истязали безконечно-скорбящее сердце Эдгара По. Душа его утеряла человѣческую способность выражать себя ясной и спокойной рѣчью: у нея нѣтъ другого голоса, кромѣ вопля, нѣтъ другого слова, кромѣ проклятія, нѣтъ другого чувства, кромѣ вѣчнаго отчаянія, чьимъ-то заклятіемъ пригвожденнаго къ одинокой груди...

116. Творческая идіосинкразія Эдгара По состоитъ въ томъ, что онъ беретъ какія-нибудь человѣческія слова и затѣмъ старается возсоздать въ образахъ ихъ нечеловѣческій смыслъ. Эту манеру его творчества можно назвать его художественнымъ методомъ.

117. Эдгаръ По первый не по-человѣчески прочувствовалъ тайну міра и человѣческой жизни и, тѣмъ самымъ, положилъ начало новому религіозному движенію.

118. Когда Достоевскій говоритъ о себѣ, что «не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и его исповѣдую, а черезъ большое горнило сомнѣній моя осанна прошла, какъ говоритъ у меня же чортъ»—то мы, конечно, не можемъ не усомниться въ искренности Достоевскаго. Въ самомъ дѣлѣ: отчего же мы не слышимъ этой его «осанны»? Не заглушилъ ли громовой голосъ «сомнѣній» его «осанны»? И если даже эта «осанна» и есть, то не «осанна» ли это Діаволу, а не Христу, не смѣшалъ ли Достоевскій въ концѣ своихъ безнадежныхъ и судорожныхъ исканій образа Христа съ образомъ Сатаны? Не поклонился ли Достоевскій съ именемъ Христа на устахъ са-

мому Діаволу? Безспорнаго отвѣта на этотъ вопросъ, конечно, нѣтъ. Но вѣрно одно: въ душѣ Достоевскаго искушеніе Христа Діаволомъ отнюдь не закончилось яркимъ торжествомъ Христа: онъ лишь смѣшалъ естество Христа съ естествомъ Сатаны и въ этой роковой путаницѣ погибъ. Онъ не понялъ того, что съ утерей непосредственности религіозныхъ переживаній онъ навѣки остался безъ христіанской почвы: не «черезъ большое горнило сомнѣній прошла его осанна, а въ этомъ-то горнилѣ она и осталась до самой могилы»...

119. Къ произведенію Эдгара По: «Сердце—изобличитель».—Крайняя назойливость чужого глаза (чужой совѣсти), подозрѣвавшаго героя повѣсти въ преступномъ замыслѣ, растравила его сердце и привела къ убійству. Отравленное зломъ сердце погубило и его самого. Такъ законы общечеловѣческой совѣсти (и вообще всякіе законы, императивы) ожесточаютъ своимъ насиліемъ всякую свободолюбивую индивидуальность и порождаютъ преступленіе.

120. Къ повѣсти Эдг. По: «Свиданіе».—Смерть, соединяющая любящихъ, преградой между которыми была вся ихъ жизнь. Узы жизни въ любви. Родство смерти и любви.

121. Къ повѣсти Эдг. По «Элеонора».—Красота Элеоноры затмила красоту природы. Поэтому природа въ образѣ смерти похищаетъ эту красоту съ земли. Человѣческая красота, превзошедшая собой красоту природы, должна утерять свой человѣческій обликъ и возноситься смертью на престолъ духа вѣчности. Съ этого престола Элеонора возвѣщаетъ миръ вновь полюбившему сыну земли.

122. Къ повѣсти Эдг. По: «Человѣкъ толпы».—Оторванный отъ цѣлаго человѣчества и его интересовъ, герой повести—врагъ этой цѣлостности. Онъ создаетъ искусственную связь съ толпой. Величайшій преступникъ—человѣкъ толпы: его преступленіе въ томъ, что онъ пересталъ быть самимъ

собой, утерялъ себя въ толпѣ, сталъ толпой Толпа санкціонируетъ его преступленіе *противъ себя*. Онъ самъ всюду преслѣдуетъ себя. Общество самимъ своимъ существованіемъ говоритъ о томъ, что оно переступило черезъ трупъ личности, убитой или прибитой имъ. Въ отвѣтъ на это яркія личности переступаютъ законы своего убійцы—общества, или же искусственно связываютъ себя съ нимъ.

123. Къ повѣсти Эдг. По: «Факты въ дѣлѣ мистера Вальдемара».—Тайна: есть ли смерть пробужденіе отъ сна—«жизни», или жизнь—пробужденіе отъ сна—«смерти»?

124. Къ повѣсти Эдг. По: «Вильямъ Вильсонъ».—Возстаніе на совѣсть; бунтъ личности противъ велѣній человѣческой совѣсти ведетъ *человѣка* къ гибели, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ къ торжеству нечеловѣческаго въ человѣкѣ. Въ душѣ Вильяма Вильсона безчеловѣчная природа воздрузила свое кровавое знамя. «Мертвый» для человѣческаго «міра», онъ воскресъ въ «мірѣ» природы.

125. Свидѣтельство великаго самородка эпохи Возрожденія Леонардо-да-Винчи говоритъ за меня,—за мое пониманіе антагонистическихъ отношеній между стихіями природы и человѣческими чаяніями. Вотъ его слова: «Совершенно несомнѣнно, что природа стремится потушить жизнь человѣческаго рода, какъ вещи *безполезной для міра*, какъ вещи, все разрушающей въ этомъ мірѣ». Тотъ, кто хоть немного знакомъ съ своеобразнымъ творчествомъ этого демоническаго генія,—не можетъ не видѣть, что всѣ симпатіи его, въ противовѣсъ христіанству, отвергающему міръ ради человѣка, были на сторонѣ антигуманной природы, готовящей человѣку жестокій жребій.

126. Часто говорятъ о «безсмысленной жестокости смерти», (т. е. природы) по отношенію къ «великимъ людямъ»... Но

это—слѣдствіе того жалкаго представленія человѣка о своей самоцѣнности, съ которымъ природа не считается.

127. Жизнь одинаково выдвигаетъ и личностей съ новой, нечеловѣчески - преступной волей и личностей съ новымъ, нечеловѣчески - преступнымъ сознаніемъ. Нельзя говорить о гармоническомъ сліяніи въ одной личности и того и другого родовъ преступности, ибо, при осуществленіи, такое сліяніе не можетъ дать той индивидуальной мощи, которая находитъ свое выраженіе въ волевыхъ или интеллектуальныхъ натурахъ въ отдѣльности. Такое сліяніе должно было бы совершиться за счетъ цѣльности и яркости бунта. Неудавшуюся попытку такого сліянія далъ Достоевскій въ лицѣ Раскольникова. Личность, навѣки уходящая изъ жизни въ лабиринты сознанія,—пытающаяся вскрыть смыслъ и законъ бунтарства, при переходѣ къ практикѣ теряетъ самоё себя, стихію своего духа, и потому ея практическіе шаги всегда судорожны и безсильны при столкновеніи съ реальной жизнью. Напротивъ, бунтарь-практикъ дѣйствуетъ безсознательно, сохраняя себя въ себѣ, и потому его бунтъ, вызванный могучимъ напряженіемъ воли, оказываетъ сильное и цѣльное давленіе на реальную жизнь. Примѣромъ такого практика можетъ служить Наполеонъ. *Сознательный Наполеонъ,—это Раскольниковъ*; *безсознательный Раскольниковъ,—это Наполеонъ*. Индивидуально - имманентное разрѣшеніе антиноміи сознанія и воли неизбѣжно терпитъ фіаско. Какъ теоретика, такъ и практика бунта—обѣ требуютъ для своего построенія цѣльнаго опыта индивидуальной души. Примѣненіе на практикѣ теоріи требуетъ совсѣмъ не тѣхъ силъ, какія нужны для построенія теоріи, базирующейся на данныхъ практической жизни. Однимъ словомъ, теоретикъ въ своей практикѣ также умаляетъ и уродуетъ свое дѣло, какъ и практикъ—въ своей теоретикѣ. Примѣромъ умаленія въ послѣднемъ смыслѣ является тотъ же Наполеонъ,

пожелавшій послѣ ссылки дать нравственное оправданіе своимъ кровожаднымъ и сатанинскимъ инстинктамъ. Получилось нѣчто столь же трагически смѣхотворное, какъ и въ практическихъ шагахъ Раскольникова, убивающаго старуху и, тѣмъ самымъ, теряющаго свое «я» («не старуху я убилъ, а себя»—говоритъ онъ). На всѣ разглагольствованія о примиреніи практики съ теоріей слѣдуетъ сказать, что это примиреніе совершается самой жизнью. Образъ практика-преступника (напримѣръ—Наполеона) вызываетъ литературу, пытающуюся проникнуть въ его психологію и смыслъ его преступленій. Напротивъ, образъ художника и преступныя идеи мыслителя нерѣдко, освѣщая дорогу для накопившейся волевой энергіи той или другой практической натуры, даютъ рѣшительный толчокъ этой натурѣ къ жизненному выявленію своей потенціально-преступной воли.

128. Гоголь на человѣка смотрѣлъ какъ на полутрупъ и полуживотное.

129. О себѣ я могу сказать словами Кальдерона: «моя мысль—палачъ».

130. Гибель христіанства въ его первобытной основѣ сказалась прежде всего въ раздѣленіи вселенской церкви на католицизмъ, протестантизмъ и православіе,—раздѣленіи, психологическій анализъ котораго выясняетъ постепенно растущее торжество рефлективнаго сознанія надъ непосредственной вѣрой.

131. Трудная задача: сквозь глубины мысли проникнуть до жемчуга на ея днѣ.

132. Въ древнѣйшемъ религіозномъ приношеніи человѣческой жертвы природѣ сказывается безжалостное отношеніе человѣка къ человѣку во имя природы. Къ подобному же жертвоприношенію приближается современный индивидуалистъ-преступникъ, обособляющій себя отъ всего человѣческаго и, тѣмъ самымъ, приближающійся къ природѣ, отождествляющій себя

съ ней,—свою волю съ ея волей. Неизбѣжной оборотной стороной культа природы и ея стихій должна быть ненависть къ человѣку и въ особенности къ создателямъ «культа человѣчества» (Ог. Контъ и проч.). Что же касается этого послѣдняго, то великимъ основателемъ его является Іисусъ Назарейскій, воздвигнувшій на мѣстѣ жестокости къ человѣку во имя природы состраданіе къ человѣку во имя божественнаго духа—антипода природы. Именно онъ санкціонировалъ въ человѣкѣ все специфически - человѣческое и отвергъ все плотское, «грѣховное» въ немъ, какъ природное, стихійное начало его жизни. Это положительное отношеніе къ человѣку впослѣдствіи, въ «религіи человѣчества», выступило лишь въ оголенномъ видѣ, не смягченномъ божественной санкціей, и потому привело сначала къ позитивистическому атеизму, а затѣмъ къ индивидуалистическому протестантизму. Послѣдній въ противовѣсъ декларації правъ человѣка выступилъ съ декларацією правъ природы.

133. Матеріальный человѣкъ стремится къ одухотворенію и потому въ Богѣ видитъ покровителя духовной культуры и совершеннаго воплотителя идеала духовной жизни. Одухотворенный человѣкъ, напротивъ, жаждетъ матеріализаціи своихъ духовныхъ сокровищъ и проектируетъ эту жажду въ образѣ совершенной матеріи или стихійнаго существа и покровителя стихійно - нечеловѣческаго въ человѣкѣ. Это—князь тьмы, Сатана и *грядущій Спаситель природы*: Сынъ Діавольскій.

134. Въ «Запискахъ изъ подполья» Достоевскій говоритъ о стѣнѣ, воздвигнутой природой на пути человѣка. Герой «Записокъ» не хочетъ «примириться» съ этой «невозможностью» для человѣка силой своего нравственнаго существа преодолѣть законы природы. Но возможно и обратное отношеніе, возможна ненависть (и она также есть у героя «Записокъ») къ *стѣнѣ*, воздвигнутой на моемъ пути не природой, а чело-

вѣкомъ, *нравственнымъ* человѣкомъ; проломить эту стѣну можно лишь въ содружествѣ съ природой, въ возведеніи съ нею противочеловѣческой, антигуманной стѣны.

135. Христіанство предоставило человѣку свободу познанія и выбора добра и зла. Поэтому въ христіанствѣ слѣдуетъ видѣть религіозную систему, приспособленную къ наиболѣе успѣшному претворенію идеала добра въ идеалъ зла, т. е. въ немъ особенно могучъ инстинктъ самоуничтоженія или принципъ анархіи.

136. Ни путемъ добра, ни путемъ зла человѣкъ не можетъ достигнуть «вѣчной жизни», ибо вѣчная жизнь человѣка отняла бы *всякую* жизнь у природы, т. е. воздвиглась бы на вѣчной смерти послѣдней.

137. *Паденіе* человѣка (въ его отношеніяхъ къ Богу) есть въ то же время скрытое *восхожденіе* его по пути Діавола.

138. Стремленіе къ «новой правдѣ» возникаетъ на почвѣ отвращенія къ старой правдѣ, объявленной «ложью». Но вѣдь и наша «правда» одряхлѣла уже и начинаетъ попахивать трупомъ.

139. Абсолютизація человѣческаго достоинства (какъ и вообще всякая абсолютизація) привела Достоевскаго въ безысходный (для него) тупикъ. Жизненно осуществленный принципъ полной неприкосновенности человѣка неминуемо привелъ бы къ анархіи, а затѣмъ и къ гибели человѣчества, ибо среди послѣдняго есть существа съ противочеловѣческими тяготѣніями, носящія лишь обликъ человѣка, а въ своей сущности являющіяся его величайшими врагами и соратниками природныхъ стихій. Ихъ неприкосновенность была бы въ то же время ихъ торжествомъ надъ человѣкомъ и нормами его жизни. Безумная любовь Достоевскаго къ человѣку доведена до того предѣла, при которомъ она отождествляется съ

смертельной къ нему ненавистью. Выйдя за предѣлы нормальной любви къ человѣку (и, слѣдовательно, нормальнаго презрѣнія къ нему), Достоевскій, по принципу соотносительности чувствъ, довелъ свое чувство любви до жестокости и ненависти и потому получилъ наименованіе «жестокаго таланта» (Михайловскій). Онъ упустилъ изъ виду, что всякое предѣльное движеніе духа неизбѣжно убійственно для нормальныхъ устоевъ человѣческой жизни. Онъ пренебрегъ «золотой серединой» и твердой почвой и указалъ человѣку на край бездны и ея зовущій зѣвъ. Безсознательно (а отчасти и сознательно) Достоевскій прибѣгнулъ къ «доказательству отъ противнаго» невозможности человѣческой, руководимой евангельской любовью къ человѣку, жизни. Указывая человѣку путь «истиннаго христіанина», онъ указалъ ему путь къ кладбищу.

140. Неистовствующая мысль Достоевскаго проникла въ самыя бездонныя глубины трагической души и сущность ея жизни увидѣла въ борьбѣ божественнаго въ человѣкѣ съ божественнымъ внѣ его. Чувствуя свою святость, благодаря *великому* страданію, котораго онъ не заслужилъ (страданія въ дѣтствѣ), человѣкъ чувствуетъ себя на недосягаемой высотѣ, спустить съ которой его можетъ лишь наслажденіе жизнью или спокойное счастье. Онъ возстаетъ противъ «Эвклидовой дичи»,—противъ соразмѣрности страданій и наслажденій, присущей обыкновенному нормальному человѣку. Неся бремя, посильное лишь для святого и божественнаго существа, онъ поднимаетъ бунтъ противъ намѣренія *равнаго ему Бога* низвести его путемъ дарованія блаженства, на степень небожественнаго, человѣческаго («человѣческаго слишкомъ человѣческаго»—какъ выразился бы Ницше) существа. Для него искупленіе его страданій («царство небесное» на землѣ), это—его униженіе и униженіе его божественнаго достоинства. Свою гол-

гофу,—голгофу человѣкобога,—онъ не отдастъ ни за какія блаженства, сулимыя ему Богомъ въ будущемъ. Онъ возстаетъ на богочеловѣческое внѣ себя во имя торжества человѣкобожескаго въ себѣ. Онъ не хочетъ смириться и «пасть ницъ», ибо не хочетъ отдать Богу своей гордости, купленной цѣною крови и незаслуженныхъ слезъ.

141. Человѣкъ Достоевскаго съ бо́льшимъ состраданіемъ относится къ себѣ, нежели Богъ—къ нему. Въ этомъ смыслѣ *человѣкъ переросъ Бога*; въ отношеніяхъ къ человѣку у послѣдняго меньше человѣчности, нежели у самого человѣка. Поэтому Богъ—жестокій духъ; въ своихъ отношеніяхъ къ человѣку онъ выступаетъ какъ Сатана, допускающій (или, вѣрнѣе, производящій, ибо эти муки ему нужны для искупленія рода человѣческаго,—для дарованія ему рая) муки безвиннаго ребенка.

142. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Иванъ спрашиваетъ Алешу:—«И можешь-ли ты допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастіе на неоправданной крови маленькаго замученнаго ребенка, а принявъ, остаться навѣки счастливыми?» Отвѣтъ отрицательный возводитъ человѣка выше Бога, ибо, если съ положительнымъ отвѣтомъ человѣкъ теряетъ «образъ и подобіе Бога», то отрицательнымъ отвѣтомъ, т. е. съ непріятіемъ человѣкомъ того, что принято Богомъ, *послѣдній теряетъ свой собственный «образъ и подобіе»* и превращается въ Діавола.

143. Достоевскій изъ любви къ человѣку осуждалъ безчеловѣчнаго Бога, а изъ любви къ Богу—«подлаго человѣка». Онъ въ одно и то же время и advocatus Diaboli и advocatus Dei. Выступая защитникомъ человѣкобожескаго, онъ осуждаетъ Бога; защищая богочеловѣческое,—осуждаетъ человѣка.

144. Четыре развѣтвленія современнаго религіознаго бун-

тарства: 1) Отъ современнаго христіанства къ христіанству реформированному. (Бунтъ вспять).—2) Отъ современнаго христіанства къ «религіи человѣчества». 3) Отъ современнаго христіанства къ открытому антихристіанству, или демонизму. (Путь религіозной революціи). 4) Отъ современнаго христіанства къ христіанству формальному и сатанизированному, или скрытому демонизму. (Путь религіозной эволюціи.) Первую вѣтвь характеризуютъ попытки фильтраціи историческаго христіанства; вторую:—точка замерзанія религіозной жизни: за неимѣніемъ достойнаго объекта человѣческаго преклоненія апоѳеозируется самъ человѣкъ. Изъ этихъ четырехъ направленій религіозной жизни только послѣднія два (революціонный и эволюціонный пути религіознаго бунта) имѣютъ будущность,—только они, въ своемъ взаимномъ антагонизмѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ содружествѣ, сдвинутъ религіозную жизнь человѣка въ новое глубокое русло.

145. Іисусъ изъ Назарета *идеализировалъ* человѣка и принижалъ, мизеризировалъ природу. Но идеальный человѣкъ останется навѣки идеаломъ, и потому никогда не пойдетъ по пути Іисуса человѣкъ реальный. Нѣкогда человѣкъ полюбилъ свой идеальный обликъ, ибо тогда онъ былъ слишкомъ униженъ въ своемъ достоинствѣ римскимъ владычествомъ. Но теперь у него иное самочувствіе и онъ не хочетъ «во имя Христа» унизиться до своего предка первыхъ временъ христіанства.

146. Константинъ Леонтьевъ своей «христіанской» проповѣдью напоминаетъ мнѣ демонски - великаго творца «Страшнаго Суда»—Микель-Анджело, на полотнѣ котораго Іисусъ и Сатана представлены въ одномъ и томъ же образѣ кровожаднаго мстителя.

147. Дмитрій Карамазовъ говоритъ Алешѣ о красотѣ: «Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердце людей». Этими знаменательными словами, вложенными въ

уста Дмитрія Карамазова, Достоевскій хочетъ сказать, что при борьбѣ противоположныхъ началъ (добра и зла, истины и лжи) сфера красоты является наиболѣе нейтральной почвой, а потому при томъ или другомъ, индивидуальномъ или общественномъ, окончаніи этой борьбы, красота, какъ таковая, остается наиболѣе устойчивой, — наименѣе всего побѣжденной. Этимъ въ значительной степени объясняется эстетизмъ демонически-настроенныхъ мыслителей и художниковъ.

148. Евангеліе говоритъ намъ о послѣднемъ искушеніи Христа Сатаной. Духъ зла обѣщаетъ ему всѣ царства міра, *если* онъ «падетъ ницъ» передъ нимъ... Евангеліе говоритъ, далѣе, что Христосъ отвергъ даръ Сатаны «съ негодованіемъ». Такъ ли это? Вѣдь міръ принадлежитъ Христу! Не сдержалъ ли своихъ обѣщаній Сатана и *не заслужилъ ли* Іисусъ этого дара?

149. Смердяковъ («Братья Карамазовы») есть не что иное, какъ образно проэктированное подполье, или, вѣрнѣе, подонки демонической души Ивана. Смердяковъ—не живая фигура, а лишь образъ, необходимый для большей выпуклости и рельефности картины внутренней борьбы Ивана и *униженія его злой совѣсти* при переходѣ къ жизненной практикѣ. Какъ въ «Преступленіи и Наказаніи», такъ и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Достоевскій задавался цѣлью показать тотъ катаклизмъ, который неминуемо возникаетъ на почвѣ демонически-настроенныхъ силъ роскошно развернувшейся индивидуальности, судорожно напрягающейся до мощнаго жизненнаго выявленія своихъ устремленій, но—увы!—въ обыденной жизненной практикѣ, лишенной яркихъ цвѣтовъ, сталкивающейся съ жалкой каррикатурой желаннаго, героически-злого дѣла.

150. По мнѣнію Каспровича одно страданіе обладаетъ мощнымъ творческимъ голосомъ... Почему? Потому что страданіе указываетъ на агонію человѣка въ нѣкоторыхъ лично-

стяхъ, гибнущихъ, какъ люди, но воскресающихъ, какъ стихіи природы. Иное дѣло—веселое творчество!..

151. Ницше говоритъ: «Больной не имѣетъ права быть пессимистомъ». Фраза чрезвычайно странная, мысль парадоксальная, но и то, и другое лишь до тѣхъ поръ, пока для насъ не выяснится вопросъ, о какихъ «больныхъ» идетъ здѣсь рѣчь: Ницше несомнѣнно имѣлъ въ виду себя и подобныхъ себѣ... Этой фразой онъ хотѣлъ сказать, что, вооружаясь противъ всего «человѣческаго», мы не должны проливать слезъ, если въ насъ заболѣваетъ и вымираетъ это «человѣческое», мы не должны пессимистически настраиваться, когда видимъ въ себѣ и другихъ зрѣлище предсмертной агоніи человѣка.

152. Достоевскій вскрылъ психологію *сознательной преступности* и показалъ (по обыкновенію—борясь съ раціоналистическими настроеніями) источникъ ея безсилія. На это указываетъ и совмѣщеніе (въ «Преступленіи и Наказаніи») именъ Раскольникова и Наполеона... Наполеонъ-теоретикъ не можетъ быть Наполеономъ-практикомъ. Если Наполеонъ теоретизировать сталъ послѣ своего паденія, какъ практика, то Раскольниковъ сталъ убійцей лишь послѣ измѣны своему назначенію,—своей теоретически-бунтующей натурѣ.

153. До извѣстнаго періода возраста нормальный человѣкъ—цѣль всѣхъ чаяній и усилій родителей и общества. Затѣмъ онъ, изъ одного уже чувства благодарности, долженъ быть лишь средствомъ. Поэтому сначала въ немъ преобладаетъ эгоистическое самосознаніе, а затѣмъ,—въ болѣе пожиломъ возрастѣ,—центръ тяжести его внутренней жизни переносится къ родовымъ и общественнымъ (альтруистическимъ) настроеніямъ. Той же схемой, только въ болѣе крупномъ масштабѣ, слѣдуетъ руководствоваться и при анализѣ особенностей индивидуалистически и коллективистически настроен-

ныхъ натуръ. Первыя, страдая отъ избытка духовной мощи, чувствуютъ и сознаютъ себя носителями реализованнаго идеала (вѣрнѣе: реализованнаго перемѣщенія центровъ тяжести идеальнаго и реальнаго міровъ) [1]) или цѣли человѣческаго прогресса. Ихъ осознаніе въ себѣ,—въ своей одухотворенной индивидуальности,—осуществленной мечты человѣческаго рода дѣлаетъ ихъ эгоистами и индифферентными по отношенію къ интересамъ человѣчества. Напротивъ, коллективистически настроенная психика слишкомъ интенсивно чувствуетъ свое духовное убожество и потому, опираясь на подобныя себѣ массы, старается завоевать царство духа путемъ уравненія матеріальной жизни людей. Первые—люди роскошнаго избытка силъ, и—цѣль усилій предыдущихъ эпохъ исторической жизни; вторые—люди упадка, и—средства для сознанія будущаго богатства. Первые—расточители; вторые—собиратели...

154. Природа творитъ и поддерживаетъ жизнь людей, не особенно отклонившихся въ сторону отъ путей, ибо такіе люди сами, безсознательно для себя, отождествляются (болѣе или менѣе) съ природой. Напротивъ, она уничтожаетъ личности, (какъ таковыя) слишкомъ далеко ушедшія отъ ея цѣпей и выдвигаетъ, въ противовѣсъ имъ, пекущимся о «благѣ человѣчества», рядъ стихійныхъ и безумно мудрыхъ силъ, облеченныхъ въ «образъ и подобіе» человѣка. Эти послѣднія ведутъ борьбу съ человѣкомъ за права природы и, если иногда и гибнуть для жизни (какъ личности), то только благодаря человѣку, а не природѣ. Гибель такихъ самородовъ—человѣконенавистниковъ—торжество человѣка и утвержденіе его деспотизма на землѣ.

155. Ко всѣмъ тайнымъ,—ко всѣмъ скрывающимся *предателямъ человѣка* обращаю я свою рѣчь...

---

[1]) См. Ѳ. Куклярскій „философія индивидуализма“, С.П.Б. 1910 г. гл. „Человѣческая идеологія“

156. О всѣхъ насъ,—предателяхъ человѣка, съ кровью Іуды въ жилахъ,—я скажу слѣдующее: Мы—не идеалисты въ кантовскомъ и берклеевскомъ смыслѣ, ибо источникъ этого идеализма,—этого взгляда на міръ, природу, какъ на врожденную иллюзію, дискредитирующую человѣка въ его собственныхъ глазахъ,—слѣдуетъ видѣть въ апоѳеозѣ человѣчества,—въ отождествленіи человѣкомъ себя съ универзумомъ,—въ космополитизаціи, или универсализаціи человѣка. Мы,—немногіе апологеты стихій природы,—ведемъ ожесточенную осаду человѣческаго укрѣпленія, именуемаго «культурой», и измѣннически, извнутри, подкапываемъ его устой. Мы являемся даже болѣе непобѣдимыми, чѣмъ сами стихіи природы... Развѣ Іуда не нашъ родоначальникъ? Развѣ не онъ положилъ начало нашей побѣдѣ? И развѣ не безсильны были бы всѣ камни, которые летѣли въ учителя христіанъ, если бы не коварный предатель—Іуда? И развѣ, щадя насъ, христіане не открываютъ намъ путь къ побѣдѣ?

157. Ницше, утерявъ физическое здоровье и поднявшись благодаря этому на одинокія высоты духа, сталъ искать для себя идеала и не могъ его нигдѣ найти, кромѣ здороваго тѣла: реальное могущество индивидуальнаго духа вызвало въ душѣ Ницше протестъ противъ него, выразившійся, при поискахъ и утвержденіи идеальной цѣнности, въ культѣ физической мощи. Онъ освобождался отъ гнета реально - невозможнаго для него путемъ его идеализаціи. Точно тоже—и въ отношеніяхъ его къ жизни: по мѣрѣ того, какъ она ускользала изъ подъ его ногъ, онъ апоѳеозировалъ ее все болѣе и болѣе. Его реальная *смерть* совпадала съ наиболѣе ожесточеннымъ утвержденіемъ *жизни*, какъ идеала. Умирающій всегда идеализируетъ жизнь, потерявшій силы—мощь, больной—здоровье. Неистовый гимнъ жизни всегда—похоронный маршъ, лебединая пѣснь пѣвца. Если бы я здѣсь сталъ говорить о

себѣ, то пришлось бы все сказанное перевернуть и показать оборотныя стороны медалей...

158. Въ героической фигурѣ Брапда Ибсенъ воплотилъ и вновь вскрылъ ту первобытно-христіанскую силу любви къ Богу, которая въ наше время исчезла подъ накипью историческаго суррогата христіанства. Со всей силой творческаго темперамента скальда Ибсенъ показалъ, какъ невыносимо тяжела и убійственна для современнаго «вѣрующаго христіанина» великая, дѣйственная любовь къ Богу... Одиноко бродя среди выродившихся «христіанъ» (являющихся, скорѣе всего, жалкими каррикатурами на своего учителя), Ибсенъ старался вернуть имъ утраченную память о героизмѣ истиннаго христіанина...

159. Быть можетъ кто-либо изъ моихъ *случайныхъ* читателей спроситъ меня: «вѣрите ли вы, милостивый государь, въ свою правоту?» На этотъ невинный вопросъ я отвѣчу столь же невиннымъ отвѣтомъ: «не только не вѣрю, но даже всей душой вѣрю въ обратное: что я самый безправный изъ людей»...

160. Въ своей статьѣ «Побѣды и пораженія» Левъ Шестовъ даетъ оригинальное (интимно-психологическое) освѣщеніе второй половины творчества Ибсена: «Ибсенъ возстаетъ и противъ духовныхъ благъ и даже преимущественно противъ духовныхъ благъ». Не могу категорически утверждать, удалось ли Шестову,—этому единственному въ литературѣ аналитику интимныхъ движеній творческой индивидуальности,—проникнуть въ лабораторію Ибсена, скрытую въ глубинѣ его души, но смѣло могу сказать, что такой бунтъ противъ «духовныхъ благъ»,—такое духоборчество неизбѣжно должно возникнуть тамъ, гдѣ деспотія духа достигла слишкомъ тираническихъ размѣровъ и гдѣ, съ другой стороны, этотъ тираннизирующій человѣческую жизнь духъ наткнулся въ своемъ

движеніи на индивидуально-неодолимую стѣну. Ибо реально растущее могущество индивидуальнаго духа неизбѣжно заключено въ болѣе или менѣе тѣсно ограниченныя рамки индивидуально-творческой эластичности: когда творческо-разрушительная сила индивидуальной идіосинкразіи исчерпываетъ всѣ возможности своей самородочной жизни,—въ психикѣ наступаетъ реакція противъ уже безсильнаго, уже мертваго духа. Если же этого не происходитъ, то въ творческой психикѣ динамическіе элементы душевной жизни постепенно вытѣсняются статическими элементами ея наступаетъ успокоеніе и духовная смерть...

161. Мои случайные и неслучайные читатели постараются (въ этомъ я увѣренъ) притиснуть меня къ стѣнѣ и поразить однимъ не лишеннымъ острія вопросомъ. Они спросятъ меня. «Какимъ образомъ вы умудряетесь мысленно (ergo—духовно) протестовать противъ деспотіи духа надъ человѣкомъ? Не есть ли contradictio in adjecto вся ваша философія»? Въ отвѣтъ на это я во-первыхъ замѣчу, что, какъ нелѣпа и никчемна *кулачная* полемика въ идейныхъ вопросахъ, точно также нелѣпа и неосуществима задача чисто-матеріальнаго отношенія къ тѣмъ явленіямъ духовнаго міра, противъ которыхъ возстаетъ вся психика бунтаря. Какъ для того, чтобы «сдвинуть горы», мы не обращаемся къ нашей вѣрѣ, а обращаемся за помощью къ тысячамъ рабочихъ рукъ и машинъ,—точно также, желая успѣшной борьбы съ царствомъ духа на землѣ, мы должны опираться не на наши мускулы, а на силу нашей нечеловѣческой вѣры и нашей безумной мудрости. Тѣмъ, кого не удовлетворяетъ и этотъ отвѣтъ, я скажу, что самый вопросъ считаю излишнимъ: *фактъ борьбы* говоритъ громче всѣхъ «доказательствъ», которыхъ у меня еще не мало...

162. Нагель,—центральная фигура въ романѣ Гамсуна «Мистеріи»,—произноситъ слѣдующую, на первый взглядъ

безсмысленную фразу: «Я бы предпочелъ... *придерживаться никому неизвѣстныхъ* [1]), своеобразныхъ, тонкихъ геніевъ, о которыхъ никогда и рѣчи нѣтъ, которые недолго живутъ и умираютъ юными и неизвѣстными». Прежде чѣмъ произносить свой приговоръ надъ этими строками, не мѣшаетъ спросить себя: что это за «никому неизвѣстные геніи»? Отвѣчу двумя вопросами: если эти «геніи» никому неизвѣстны, то не извѣстны ли они себѣ и только себѣ? Затѣмъ: если «придерживаться» ихъ,—это значитъ придерживаться чего-то, никому (ergo—человѣчеству) неизвѣстнаго,—то не значитъ ли это (въ конечномъ счетѣ) придерживаться того, что чуждо всѣмъ человѣческимъ интересамъ?

163. Анархія современной человѣческой души нашла свое выраженіе въ троякомъ направленіи: въ моральномъ анархизмѣ Ницше, стоящемъ «по ту сторону добра и зла»; въ гносеологическомъ анархизмѣ школы прагматистовъ, становящихся «по ту сторону» истины и лжи и, наконецъ, въ эстетическомъ анархизмѣ декадентовъ, утерявшихъ, въ своемъ творчествѣ, черту, отдѣляющую область красоты отъ области уродливаго. Какъ наиболѣе яркій признакъ этой всеобщей психической анархіи, слѣдуетъ указать на то *опустошеніе человѣческой идеологіи*, которая является неизбѣжнымъ результатомъ этой тройной идейно-сенсуальной «потусторонности». Первымъ важнымъ послѣдствіемъ такого разрушенія основъ традиціоннаго міра идеаловъ и реализаціи ихъ посредствомъ релативистическаго метода—является утеря чувства контраста между идеальнымъ и реальнымъ, что, въ свою очередь, неизбѣжно должно было вызвать индифферентное отношеніе къ потоку реальной жизни. Отсюда—та «безпочвенность», которая своего искренняго апологета нашла въ лицѣ Льва Шестова

164. Пирсъ, Джемсъ, Шиллеръ и проч. прагматисты

[1]) Курсивъ мой.

освобождаются отъ опеки истины, но, освобожденные отъ нея, попадаютъ въ новую двойную опеку,—опеку морали, добра, пользы... Два шага впередъ. два шага назадъ—такова судьба прагматической переоцѣнки. Однако, при всемъ отсутствіи у этой переоцѣнки положительной продуктивности, слѣдуетъ сказать, что тѣ внутреннія тяготѣнія, которыя, невидимо для прагматистовъ, руководятъ движеніями ихъ ума, имѣютъ цѣнность симптома или показателя и указываютъ на тѣ неожиданно открывающіяся развѣтвленія главнаго русла переоцѣнки (взаимной метаморфозы утвержденія и отрицанія), которыя in summa образуютъ собой новое устье.

165. Немалую цѣнность афористическаго способа изложенія составляетъ то, что онъ обладаетъ способностью *творчески* настраивать психику читателя. При *пассивно-репродуктивномъ* отношеніи читателя къ автору афоризмовъ, послѣдніе во-первыхъ измѣняютъ своему прямому назначенію, а во-вторыхъ, благодаря своей нерѣдко встрѣчающейся взаимной логической противорѣчивости,—они ошеломляютъ читателя и не укладываются въ тѣ ящички, которые для нихъ приготовлены механической памятью. Такому читателю афоризмы ничего не скажутъ, а произведутъ въ его головѣ тотъ «сумбуръ», на который жалуются столь многіе случайные и непрошенные гости Ницше. Господинъ Нордау, напримѣръ (типичный дегенератъ, поспѣшившій, въ свое оправданіе, написать книгу о дегенераціи), ничто же сумняшеся, приводитъ цитату изъ Ницше, изъ которой видно, что Ницше старался «какъ можно болѣе быть неудобопонятнымъ»—и, на основаніи этого, находитъ излишнимъ истолкованіе его афоризмомъ. Я полагаю, что на этомъ конкретномъ примѣрѣ легко убѣдиться, кого *отпугивалъ* Ницше и какой мѣткой тактики придерживался онъ въ своихъ отношеніяхъ къ г. Нордау и К°. Къ этой оцѣнкѣ афоризма я прибавлю еще одно важное замѣчаніе.

Съ моей точки зрѣнія систематическое изложеніе отвѣчаетъ своему назначенію лишь въ такъ называемыя «органическія эпохи» исторической жизни, когда расцѣнка явленій имѣетъ твердый базисъ,—когда человѣкъ, послѣ тяжелой психологической или соціальной катастрофы, жаждетъ подушки и сна. Въ это время,—время кристальной ясности переживаній и консервативной устойчивости убѣжденій,—въ это время есть потребность подвести итоги всему пережитому: при отсутствіи (относительномъ, конечно) новыхъ переживаній для такой бухгалтеріи свободнаго времени достаточно... Но какъ возможна эта систематика въ наше время,—время, когда все трещитъ по швамъ и вотъ... вотъ рухнетъ и придавитъ насъ своей тяжестью? Какъ возможна систематика, когда каждое утро солнце несетъ для сердца и мысли новыя бури, новыя грозы,—когда то извиваешься какъ червь по землѣ, то ищешь крыльевъ?... Сохранять въ это время систематику,—не значитъ ли это игнорировать всѣ тѣ едва уловимые нюансы настроеній, которые поминутно возникаютъ и исчезаютъ въ душѣ, въ горнилѣ которой бродятъ новыя, восходящія силы и отливаются новыя цѣнности, новые мечи?... Вѣдь вся историческая и психологическая цѣнность такихъ «критическихъ» эпохъ состоитъ именно въ этой медленной агоніи отживающаго и медленномъ, мучительномъ процессѣ рожденія къ жизни! Вотъ чѣмъ объясняется то явленіе, что въ наше время не можетъ уже быть Кантовъ, Гегелей, Шопенгауэровъ, а могутъ быть лишь Ницше, Штирнеры (который извѣстности достигъ лишь въ наше время), Джемсы, Шестовы. Правда, мы лишь на зарѣ новой «критической» эпохи, но уже существуютъ высокія души, которыя, подобно Гималаю, встрѣчаютъ солнце тогда, когда въ долинѣ все укутано плотнымъ мракомъ...

166. Я вполнѣ согласенъ съ тѣми, которые подъ всякой философіей ищутъ *самооправданія* ея автора. Но слѣдуетъ

поставить вопросъ: развѣ философъ—фигура, всегда отлитая изъ цѣльнаго куска мѣди или золота? Развѣ не проходитъ еще въ утробѣ матери по нѣкоторымъ изъ насъ съ ногъ до головы трещина, раскалывающая волею судьбы насъ на двое,—на два враждебныхъ лагеря переживаній? Кого же оправдывать, кого обвинять такимъ расколотымъ, разбитымъ на двое творцамъ? Не есть ли ихъ философія не только самооправданіе, но и жестокій судъ надъ собой,—и приговоръ?

167. Какія силы создаютъ и формируютъ нашъ типъ,—типъ предателя человѣка? Отвѣчу: силы природы. Неясно? Постаралось распространиться на эту тему, ergo—стать болѣе прозрачнымъ... Болѣзни, развратъ, алкоголизмъ, безуміе, нищета—вотъ тѣ сатанинскія силы, въ горнилѣ которыхъ расцвѣтаетъ ядовитый, обрызганный кровью и слезами, цвѣтокъ жизни этихъ предателей... «Но развѣ всегда дары природы такъ гибельны,—такъ нечеловѣчны? развѣ человѣкъ не обязанъ своимъ здоровьемъ, жизнью, счастьемъ этой же природѣ?»—таковы оппозиціонные вопросы читателя. Совершенно вѣрно! Природа отнюдь не представляетъ собою нѣчто единое и цѣлостное: оттого-то и ея дары столь различны,—столь противоположны по результатамъ своего воздѣйствія на людей. Ея стихіями, какъ и человѣческими дѣяніями, руководятъ различные инстинкты или стремленія: инстинктъ безкорыстной самоотверженности и любви къ человѣку (ея кровному дѣтищу) и инстинктъ эгоизма и ненависти къ человѣку (ея страшному врагу и отступнику). Въ двухъ словахъ: *инстинктъ саморазрушенія и инстинктъ самосохраненія*: дисгрегація и аггрегація. Натуралистическая дисгрегація—не что иное, какъ антропоморфизація или очеловѣченіе природы, т. е. аггрегація человѣка, ростъ его космическаго могущества. E vice versa... Изъ этого соотношенія силъ природы и силъ человѣка легко сдѣлать заключеніе, что первыя лишь до тѣхъ поръ сохра-

няютъ свой по преимуществу самоотверженный и человѣколюбивый характеръ, пока послѣднія не грозятъ природѣ окончательной ея гибелью, т. е. пока еще сохраняется то относительное равновѣсіе натуральной дисгрегаціи и человѣческой аггрегаціи, которымъ природа можетъ воспользоваться въ цѣляхъ своего возрожденія. Но вотъ равновѣсіе нарушается до maximum'а, до крайности, и природа, въ цѣляхъ своего сохраненія, одаряетъ отдѣльныхъ личностей такими чертами и стимулами къ творчеству, которыя явно нечеловѣчны—которыя противучеловѣчны. Она спѣшитъ воспользоваться остатками своей, ранѣе всесокрушавшей, власти надъ человѣкомъ и отравляетъ источники жизни нѣкоторыхъ богатыхъ натуръ, *избранныхъ* ею для предательскаго возстановленія ея попранныхъ правъ на власть. Эти избранники природы реставрируютъ ее благодаря *стихійности* своихъ натуръ. Болѣзни, развратъ, безуміе и т. п. отнимаютъ у нихъ все ихъ *человѣческое достояніе*, ставятъ ихъ по ту сторону человѣка и вооружаютъ ихъ творческія души противъ всего того, чего у нихъ нѣтъ:— противъ здоровой нормы и здороваго творчества. Сами они— *дегенераты*, *какъ люди*, и безумно-стихійны, какъ природа.. Ибо здоровые, нормальные люди, это—*выродившаяся* природа,—та самая природа, которая своего величайшаго экстатическаго напряженія достигаетъ въ творчествѣ геніевъ-предателей и людей-дегенератовъ одновременно...

168. Маленькій вопросъ себѣ: предавая человѣка въ руки природы, не предаю ли я, *тѣмъ самымъ*, себя въ руки человѣка?

169. Основной лейтмотивъ проповѣди Ницше—воля къ власти, однако возникаетъ вопросъ: къ какой власти? власти надъ чѣмъ? Ницше до конца своей жизни такъ и не отдалъ себѣ опредѣленнаго отчета въ этомъ стремленіи къ власти. Можетъ быть именно этотъ отчетъ мы имѣли бы въ

задуманномъ имъ трудѣ «Воля къ власти», но безуміе остановило его перо... Для меня внѣ всякихъ сомнѣній, что властвовать хотѣла стихійная природа Ницше, — что если и хотѣлъ онъ власти надъ человѣкомъ, то лишь во имя природы,—во имя насилія природы надъ «непомѣрной гордостью человѣка».

170. Въ эпохи глубокихъ внутреннихъ метаморфозъ человѣка его разумъ какъ бы распадается въ своей дѣятельности, и раціоналистическое отношеніе къ жизни и міру, теряя почву подъ ногами, вытѣсняется ирраціональными настроеніями психики, которыя прежде всего создаютъ для разума новую и какъ бы противоестественную роль: не оправдывать себя, а дискредитировать свое творчество путемъ упорной апелляціи къ безсознательно-дѣйствующимъ рычагамъ практической жизни и (въ особенности) морали. Такая агонія раціонализма обыкновенно предшествуетъ возрожденію религіозной, т. е. по самому существу своему ирраціональной жизнл. Такъ было въ эпоху Сократа и Платона [1]), когда лучшіе умы могли лишь повторять фразу Сократа: «я знаю, что ничего не знаю». То же происходитъ и въ настоящее время, когда индивидуализмъ съ одной стороны, а прагматизмъ—съ другой,—каждый по-своему подрываютъ основы «хрустальнаго замка», съ такимъ стараніемъ воздвигнутаго разумомъ. Однако въ нѣкоторой антагонистичности этихъ двухъ приговоровъ надъ властью разума уже сейчасъ сказывается то столкновеніе различныхъ религіозныхъ силъ, которое неминуемо произойдетъ въ ближайшіе вѣка исторической жизни. Въ то время какъ прагматизмъ произноситъ свой приговоръ во имя человѣка, крайній индивидуализмъ, не нашедшій еще для себя достойныхъ апологетовъ, отвергаетъ ра-

1) Какъ извѣстно, „идея“ добра въ мірѣ платоновскихъ „идей“ играла доминирующую, царственную роль.

зумъ во имя стихійной и первобытной основы индивидуума. Первый ведетъ свое начало отъ Канта (приматъ «практическаго разума»); второй — отъ Штирнера и Эдгара По (приматъ нечеловѣческаго въ человѣкѣ).

171. Левъ Шестовъ въ своемъ творчествѣ особенно ярко подчеркиваетъ свою антиподность по отношенію ко всѣмъ успокаивающимъ человѣка: его отвѣты (по большей части — полуотвѣты, полувопросы) не настраиваютъ читателя успокоительно, а, напротивъ, жестоко бередятъ его уже почти зажившія раны; его жизнеощущеніе, его интерпретаціи великихъ индивидуальныхъ драмъ человѣческаго духа, его стиль, чуждый всякаго кокетства,—все это менѣе всего способно «отвѣчать человѣческимъ желаніямъ». Онъ незамѣтно, исподволь (хотѣлось бы сказать—предательски) мутитъ человѣческую душу и, тѣмъ самымъ, значительно облегчаетъ работу тѣмъ разрушительнымъ ядамъ, которые всегда имѣются какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ организмахъ человѣка. Шестовъ отнимаетъ у человѣка всякую почву, а затѣмъ побѣдоносно-ироническимъ взглядомъ слѣдитъ за повисшими въ воздухѣ людьми. Съ особенной охотой онъ дискредитируетъ на глазахъ читателя самое цѣнное,—самое притягательное для человѣка: духовно - просвѣтленное существованіе «великихъ людей». Вспомните его мастерски-написанныя характеристики самочувствія и самосознанія такихъ личностей, какъ Ницше, Достоевскій, Чеховъ, Гейне, Ибсенъ! Можно сказать, что Шестовъ пишетъ не чернилами, а всевозможными ядовитыми эссенціями: подъ его перомъ всякое великое (обратившее на себя всеобщее вниманіе) «да» шагъ за шагомъ превращается въ безнадежное «нѣтъ». Этотъ писатель, зачисленный нашими присяжными литераторами въ рубрику «ницшеанцевъ», представляетъ изъ

себя явленіе совершенно исключительное, — измѣренію не поддающееся.

172. Между пространственнымъ и временнымъ величіемъ индивидуума (понятія—не ясныя, но я апеллирую здѣсь къ интуитивному чутью читателя) та глубокая разница, что первое можетъ быть присуще лишь чрезвычайно бѣдной, «дробной», какъ сказалъ бы Шопенгауэръ, индивидуальности, —настолько бѣдной, что въ массѣ (т. е. въ пространствѣ) индивидуумовъ она не можетъ быть отмѣчена какъ нѣчто единственное и самобытное; второе же, напротивъ, присуще лишь личностямъ, обладающимъ особенными и яркими чертами, всегда выдѣляющимися на общемъ, сѣромъ фонѣ массовой жизни: пространственно изолированныя отъ «большой дороги» жизни, они своей отщепенской жизнью предвосхищаютъ будущее человѣка и, такимъ образомъ, живутъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Иллюстрируя эту неизбѣжную разницу, я бы могъ сказать, что первые подобны рабочимъ муравьямъ, а вторые—муравьинымъ самкамъ. Первые пекутся о настоящемъ, вторые—о будущемъ. Первые настолько многочисленны и однообразны, что положительно невозможно выдѣлить одного изъ нихъ, а потомъ найти его среди его безчисленныхъ соратниковъ; вторые же настолько малочисленны, что отмѣтить ихъ не стоитъ никакого труда. Въ заключеніе прибавлю, что въ то время, какъ коллективизмъ прилагаетъ всѣ старанія для пространственнаго возвеличенія человѣка, индивидуализмъ [1]) тщится возвеличить человѣка во времени. Извѣстный антагонизмъ между этими двумя «волями къ власти» (власти надъ пространствомъ и власти надъ време-

---

[1]) Я имѣю въ виду тотъ индивидуализмъ, который получилъ уже сейчасъ довольно большую извѣстность, а не тотъ крайній или *натуралистическій* индивидуализмъ, позицію котораго я отстаиваю.

немъ) слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы стараться доказывать его наличность.

173. Левъ Шестовъ въ «Началахъ и концахъ» и въ «Побѣдахъ и пораженіяхъ» останавливаетъ свой взглядъ на послѣдней драмѣ Ибсена: «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Я здѣсь лишь нѣсколько дополню анализъ, данный Шестовымъ.

Въ этой вещи, дѣйствительно, скрывается убійственный для человѣческихъ чаяній намекъ: «великіе люди»,—это «мертвые» люди; но сейчасъ же возникаетъ вопросъ: если они «мертвы», какъ люди, то не вдвойнѣ ли они живы, какъ нѣчто нечеловѣческое, стихійное, природное? Я отвѣчу. вдвойнѣ живы тѣ изъ нихъ, которые, освободившись отъ человѣка въ себѣ, посвятили свое творчество нечеловѣческому въ человѣкѣ, т. е. антигуманнымъ цѣлямъ. Въ противномъ же случаѣ душу «великаго человѣка», купившаго себѣ это величіе за счетъ полнаго обнищанія своей личной жизни, неминуемо охватитъ ужасъ безвозвратной утери самого себя, какъ человѣка. Во имя своего величія, какъ *апологета человѣка*, онъ терпѣлъ (и не замѣчалъ) свое ничтожество, какъ человѣка. Въ результатѣ, изжившій себя апологетъ человѣка открываетъ ужасающую его истину:—что менѣе всего онъ—апологетъ себя, какъ человѣка, т. е. что, какъ человѣкъ, онъ мертвъ. Апологія человѣка раздавила и опустошила его самого, какъ человѣка.

174. То, что Сократъ называетъ своимъ «демономъ»,—то, что большинству публики извѣстно подъ именемъ «вдохновенія» или «экстаза»—имѣетъ, по моему мнѣнію, двойственный характеръ, при чемъ у однихъ (апологетовъ человѣка) преобладаетъ одна сторона, у другихъ (апологетовъ природы)—другая. Первые «вдохновляются» творчествомъ «великаго человѣка»; вторые—творчествомъ великой природы.

Въ сферѣ религіозныхъ настроеній и религіознаго творчества первые чувствуютъ свою мистическую связь съ Богомъ-Духомъ; вторые—съ Сатаной-Природой.

175. Когда со мной говорятъ глубины моего естества, когда я самъ, какъ мнѣ кажется, съ стремительной быстротой лечу въ какую-то бездну и съ минуты на минуту жду рокового паденія:—въ такія мгновенія между моимъ «я» и моей рѣчью рвется всякая связь и я ясно чувствую, что слово здѣсь безсильно,—что даже мысль, даже сознаніе тщетно старается фиксировать что-либо изъ переживаемаго въ эти минуты. Въ такихъ случаяхъ въ душѣ какимъ-то непонятнымъ образомъ связываются въ нѣчто единое два ощущенія: ощущеніе страшной, всеисключающей *пустоты* и столь же предѣльной, безконечной *полноты*. Достигая величайшаго своего напряженія, душа какъ бы теряетъ то *чувство контраста пустоты и полноты*, которое въ жизни играетъ огромную, даже первую роль. Тутъ какой-то предѣлъ, какая-то заклятая черта!..

176. Я люблю заигрывать со смертью и нерѣдко задыхаюсь въ ея медвѣжьихъ объятіяхъ: ибо она тоже любитъ меня и охотно играетъ со мной.

177. Когда глубина моего безумія, чреватаго неизреченнымъ, вдругъ возвышаетъ свой голосъ—тогда мое сознаніе, мое сердце спѣшатъ оглушить себя собственными своими громами,—своими сиренами... Самъ я съеживаюсь въ три погибели и наваливаю подушки на свои уши... Тщетно! Голосъ бездны разрушаетъ плотины и безъ словъ повергаетъ ницъ мою мысль и мое сердце...

178. Мое безуміе—мое богатство; мой умъ—моя нищета. Первое—отъ природы; второй—отъ человѣка. Мое проклятіе—въ вѣчной, несмолкаемой и пожирающей душу борьбѣ этихъ двухъ началъ!.. И нѣтъ «исхода». И пустымъ, безсо-

держательнымъ кажется слово «исходъ»... Чувство безысходности—доминирующее состояніе моего проклятаго духа.

179. Что собственно означаетъ вопросъ о «смыслѣ жизни»? Каковъ смыслъ этого вопроса? Извѣстно, что съ особенной остротой этотъ вопросъ ставится индивидуумомъ или народомъ (также и цивилизаціей) «на разсвѣтѣ» ихъ жизни, т. е. тогда, когда жизнь, какъ таковая, выходитъ еще за предѣлы ихъ горизонтовъ,—когда зенитъ возможнаго для нихъ цикла переживаній является лишь мечтой и утопіей. Юношескому возрасту (въ широкомъ, универсальномъ смыслѣ этого слова) еще невѣдомъ *зной жизни,*—невѣдомо то изобиліе переживаній, тотъ изобытокъ силъ жизни,—когда живущій чувствуетъ себя, какъ цѣль,—*какъ смыслъ* переживаній и событій всѣхъ предыдущихъ лѣтъ, столѣтій и тысячелѣтій... Предѣлъ этой эволюціи самочувствія личности или народа по пути универсализаціи слѣдуетъ видѣть въ самочувствіи или самосознаніи, отождествленномъ съ жизнечувствіемъ или міросознаніемъ.

180. Для индивидуалиста-натуралиста его жизнь является лишь неизбѣжнымъ, необходимымъ орудіемъ для его творчества,—для универсализаціи смерти человѣка, т. е. для возстановленія попранныхъ человѣкомъ правъ на возрожденіе первобытной, сатанинской природы. Обыкновенный человѣкъ поневолѣ принимаетъ смерть свою, сердцемъ же и сознаніемъ жаждетъ жизни. Для индивидуалиста-натуралиста, напротивъ, предметомъ желанія является полнота смерти человѣка; жизнь же—не болѣе, какъ поневолѣ принимаемое имъ средство для реализаціи полноты человѣческой смерти. Идеалъ идеологовъ человѣка—полнота или универсальность человѣческой жизни; идеалъ идеологовъ первобытной природы—полнота или универсальность натуральной жизни. Первый культивируетъ въ себѣ и другихъ человѣка; второй—не-человѣка. Въ реаль-

номъ же мірѣ отношеніе между ними какъ разъ обратное: «жизнь» перваго немногимъ отличается отъ кладбищенскаго покоя (то есть полна смерти), «смерть» же второго полна мощи, огня, избытка переживаній и, порожденныхъ ими, опасностей (т. е. полна жизни).

181. По мнѣнію Штирнера, «дѣло» Бога—«чисто эгоистическое». Съ моей же точки зрѣнія такая самоцѣнность и самоцѣльность божества—фикція современной дегенеративно-христіанской, религіозно обмелѣвшей психики. Богъ есть олицетворенная оппозиція Діаволу и наоборотъ. Принявъ это послѣднее пониманіе религіозной полярности, прійдется отвергнуть исходную точку критики Штирнера, разсматривающаго Бога статически и, тѣмъ самымъ, лишающаго его, а затѣмъ и человѣка, той борьбы съ ихъ антагонистами (Діаволомъ и Природой), которая, будучи признана Штирнеромъ за основу всего, помѣшала бы ему синтетически фиксировать свою индивидуальность,—свое «я».

182. Эгоизмъ Штирнера, это—абсолютная фиксація и апооеозъ самого себя.

183. Штирнеръ универсализируетъ эгоизмъ и, тѣмъ самымъ, обезсмысливаетъ его,—сводитъ на «нѣтъ».

184. Штирнеръ *обезцѣниваетъ* все и останавливается лишь тогда, когда его обезцѣнивающее «я» должно было бы обратиться на самого себя:—обезцѣнить себя и свое дѣло:—аннулированіе цѣнностей. Всю цѣнность,—все царство цѣнностей, раскинутыхъ въ мірѣ, обществѣ и человѣкѣ,—Штирнеръ цѣликомъ переноситъ въ себя,—въ свое «я». Но *абсолютизируя* цѣнность своего «я»,—Штирнеръ въ то же время дискредитируетъ эту цѣнность,—превращаетъ ее въ нѣчто безцѣнное или, вѣрнѣе, въ нѣчто не поддающееся никакой оцѣнкѣ. Только до окончательнаго завершенія этой самоабсолютизаціи Штирнеръ могъ чувствовать и сознавать

свою цѣнность. Съ завершеніемъ же ея—онъ пересталъ въ то же время *утверждать* свое «*я*», ибо утвержденіе есть процессъ и преодолѣніе еще неутвержденнаго (у Штирнера—неутвержденнаго въ себѣ).

185. Дѣло голаго, самодовлѣющаго, замкнутаго въ себѣ отрицанія Штирнеръ съ успѣхомъ довелъ до конца, но по существу отрицаніе осталось незаконченнымъ: «я» (или «самобытность»), будучи утвержденнымъ, не можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣчто антиподное по отношенію ко всѣмъ объектамъ штирнеровскаго отрицанія: Бога, человѣка и духа. Между тѣмъ полное, до крайности осуществленное отрицаніе чего-либо можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда въ противовѣсъ прежде утверждаемому (т. е. объекту настоящаго отрицанія) выдвигается новое утвержденіе,—утвержденіе противоположнаго (т. е. Сатаны, природы, безумія).

186. Всякая «проблема» сама по себѣ, какъ таковая, является задачей, проблемой для меня. Ея возникновеніе, ея источникъ нужно мнѣ сначала знать, а затѣмъ уже я приступлю къ ея разрѣшенію (если въ томъ, конечно, будетъ надобность). Надъ всякимъ вопросомъ я ставлю вопросъ и, только отвѣтивъ на послѣдній, обращаюсь къ первому.

187. Самъ по себѣ Наполеонъ является величиной, отнюдь не выходящей за тѣ рамки «величія», которыхъ придерживается обыкновенный, нормальный человѣкъ въ своей репродукціи образа Наполеона. «Страстный полководецъ», «боевая натура», «геній военнаго искусства» и т. д.—вотъ краткія его характеристики въ устахъ людей. Только тотъ свѣтъ, который бросили на фигуру Наполеона нѣкоторые тайновидцы психологіи (какъ-то: Достоевскій, Ницше, Байронъ, Пшибышевскій и т. д.) заставилъ многихъ увидѣть въ наполеоновской психологіи черты сатанизма и человѣконенавистничества. Они возродили Наполеона къ болѣе глубокой

и исключительной жизни; они преобразили силой своей мысли и фантазіи его дикую натуру и открыли людямъ «духовные глаза» на него. Благодаря имъ, самъ Наполеонъ, будучи живымъ, иначе уже посмотрѣлъ бы на себя и свою миссію. Все это ярко иллюстрируетъ мысль о взаимодѣйствіи или взаимопомощи теоретически и практически бунтующихъ личностей.

188. Вопросъ Шестова: «имѣютъ ли надежды тѣ люди, которые отвергнуты наукой и моралью, т. е. возможна ли философія трагедіи?»

Да! И у нихъ есть надежда,—надежда на то, что они отомстятъ людямъ за ихъ омуты, сковывавшіе ихъ мысль и сердце. Надежда на то, что тяжелое бремя кошмаровъ и боли вынесетъ ихъ на новую землю, очищенную отъ смердящаго паразита—человѣка и его цѣпей,—отъ человѣка—тюремщика первобытной природы и ея олицетворенныхъ стихій. Ихъ надежда, это—надежда оголенной, неочеловѣченной и въ себѣ могучей и прекрасной природы! Только съ окончательнымъ крушеніемъ *человѣческихъ* надеждъ,—они будутъ праздновать свои «сатурналіи»,—свое «возстаніе изъ мертвыхъ»...

189. Что такое духовный аскетизмъ? Каковъ путь у духовнаго аскета? Опираясь на индивидуальный, внутренній опытъ—скажу: онъ во все болѣе и болѣе возрастающемъ ограниченіи себя,—своего духовнаго организма,—«духовной пищей»,—во все болѣе и болѣе растущей изоляціи своего духовнаго «я» отъ одухотворенныхъ, духомъ живущихъ личностей; онъ—въ духовномъ одиночествѣ. Духовный аскетъ рветъ «кровныя узы» съ духовными собратьями или «родственными душами»: одну за другой покидаетъ онъ ихъ,—до тѣхъ поръ, пока не остается съ собой и своимъ полночнымъ сердцемъ... Затѣмъ, подобно тому, какъ крайній физическій

аскетизмъ, будучи реализованъ, не можетъ все же не базироваться на минимальной матеріальности индивидуума,—точно также и духовный аскетъ, даже въ самыхъ крайнихъ, предѣльныхъ степеняхъ своего напряженія,—не можетъ не имѣть подъ собой нѣкоторой,—одинокой и отщепенской,—духовной почвы. То же духовное самоограниченіе можно прослѣдить и въ сферѣ его творческихъ замысловъ. Пишетъ онъ для немногихъ,—для «меньшинства» и не претендуетъ на популярность, хотя послѣдняя иногда и является къ нему въ качествѣ незванной гостьи.

190. Цѣнность духовнаго аскетизма состоитъ въ томъ, что онъ воцаряетъ въ душѣ личности-аскета ея самородочное начало,—ея первобытную природу, освобожденную отъ всего человѣческаго... Лучшее конкретное «доказательство» этого далъ намъ Ницше, свидѣтельствующій о себѣ, что «величайшимъ благодѣяніемъ» для него была болѣзнь глазъ, запретившая ему чтеніе. Вотъ его подлинныя слова: «Цѣлые годы я ничего не читалъ,—и это—величайшее благодѣяніе, которое я себѣ когда-нибудь доставилъ. Мое внутреннее «я» (*читать*—значитъ такъ дѣлать) проснулось медленно, робко, нерѣшительно;—но наконецъ заговорило. Я никогда не доставлялъ себѣ столько счастья, сколько въ самые ужасные годы болѣзни».

191. Всѣ такъ называемые «проклятые вопросы» (какъ то: о «тайнѣ бытія», о «смыслѣ человѣческой жизни», о «сущности счастья» и т. п.) *неразрѣшимы* для тѣхъ, жизнь, сердце и сознаніе которыхъ не являются воплощеннымъ, конкретнымъ разрѣшеніемъ ихъ,—для тѣхъ, которымъ невѣдомо безуміе расцвѣтшихъ и ликующихъ силъ жизни,—которымъ неизвѣстна атмосфера, насыщенная благоуханіями цвѣтовъ жизни, распустившихся въ груди и сознаніи.

192. Представьте себѣ цвѣтущую розу или налившуюся

гранату обладающими человѣческимъ сознаніемъ: могъ ли бы въ такомъ случаѣ существовать для нихъ вопросъ о «смыслѣ ихъ жизни»?

193. Какъ листья и вѣтви укрываютъ плодъ, — дѣлаютъ его невидимымъ,—точно также скрываются, стушевываются, изгоняются въ подполье человѣческаго міра тѣ, которые мучаются отъ избытка жизни,—тѣ, которые въ себѣ находятъ рѣшеніе всѣхъ антиномій жизни, непреодолѣнныхъ людьми вслѣдствіе ихъ безжизненности.

194. Природа Жанъ-Жака Руссо, это — природа-мать человѣка, вскармливающая его у своихъ сосцовъ. Но природа-мать,—въ агоніи. Мы,—предатели человѣка,—вырабатываемъ для нея ядовитую эссенцію,—вѣрнѣе: мы сами,—наше сознаніе и сердце,—переполнены этими ядами, дарованными намъ природой-мачехой для ускоренія агоніи природы-матери.

195. Ницше говоритъ: «Намъ смѣшны претензіи человѣка отыскать цѣнности, которыя превосходили бы цѣнность реальнаго міра». Въ этихъ строкахъ Ницше выступаетъ какъ апологетъ природы,—какъ натуралистъ (не à la Руссо, конечно). Какъ извѣстно, человѣкъ, въ своихъ поискахъ найти «высшую цѣнность» или критеріумъ оцѣнки, дошелъ, наконецъ, до того, что такой высшей цѣнностью призналъ самого себя,—человѣка (Фейербахъ, позитивизмъ). Собственно говоря эта послѣдняя цѣнность не есть новая цѣнность: она—лишь синтетическая формулировка всего историческаго процесса оцѣнки, она—итогъ, подведенный всѣмъ поискамъ цѣнностей. Пока Ницше совершенно послѣдователенъ: онъ учитъ, что «человѣкъ есть нѣчто, что должно быть превзойдено». Но какъ сообразовать это его обезцѣниваніе всего въ пользу «реальнаго міра» (ergo—природы) съ его проповѣдью «сверхчеловѣка»? Никто, полагаю, не станетъ утверждать, что «сверхчеловѣкъ»—существо «реальнаго міра». Тутъ неизбѣжно воз-

никаетъ дилемма: или «реальный міръ», или «сверхчеловѣкъ» (т. е. существо идеальнаго міра,—міра фантазій и надеждъ). Ибо провозглашеніе «высшей цѣнности» въ лицѣ будущаго «сверхчеловѣка» ничѣмъ не отличается отъ фейербаховскаго и конговскаго «человѣка», — ничѣмъ не отличается вообще отъ тѣхъ цѣнностей, противъ которыхъ въ приведенныхъ выше строкахъ вооружается тотъ же Ницше. Въ концѣ концовъ придется признать, что и Ницше принесъ свою жертву на алтарь, воздвигнутый людьми «человѣку». Оттого-то его проповѣдь «сверхчеловѣка» и пользуется такимъ доброжелательнымъ вниманіемъ у гг. «профессоровъ философіи».

196. Штирнеръ — геніальный и самобытный *критикъ всего человѣческаго порядка вещей*. Въ этомъ его главная и почти единственная цѣнность, — цѣнность молота, не останавливающагося ни передъ чѣмъ и камень за камнемъ разрушающаго царство человѣка. Это—духовный *варваръ* девятнадцатаго столѣтія, это—пророкъ грядущаго нашествія варваровъ на «культурное человѣчество». Его «я» не что иное, какъ отвлеченный и въ то же время конкретный базисъ для критики, освобожденной отъ всякихъ нормъ, ergo—для критики, самодовлѣющей и безграничной.

197. Штирнеръ утверждаетъ: „*мнѣ* принадлежитъ міръ». Въ переводѣ на языкъ моего сознанія и моего сердца это значитъ: я освобождаю «міръ», вѣрнѣе — природу, отъ деспотіи человѣка; я, если употребить вольное выраженіе,—разчеловѣчиваю природу,—возвращаю ей ея самобытную, самодовлѣющую жизнь, и, слѣдовательно, эта эмансипированная будущая природа своимъ независимымъ, автономнымъ существованіемъ будетъ обязана мнѣ: она—мое твореніе; я—ея властелинъ, путемъ человѣкоборчества возрождающій къ жизни ея первобытное начало.

198. Если я могу говорить о своей «власти надъ людьми»,

то только лишь въ томъ смыслѣ, что благодаря мнѣ—апологету первобытной природы и ея *языку*,—человѣчество все болѣе будетъ чувствовать на себѣ мою силу,—мое насиліе, т. е. я буду захватывать все большую власть надъ людьми.

199. Природа молчала до сихъ поръ, но вотъ она начинаетъ проклинать человѣческій родъ и предвѣщаетъ ему скорую гибель. Она насъ,—человѣкоборцевъ: практиковъ и теоретиковъ,—сдѣлала своей волей и своимъ сознаніемъ. Намъ она дала право на починъ,—на первое слово и первое дѣло ея, ибо только измѣна,—только подкопъ извнутри человѣческаго укрѣпленія (имя которому «культура», т. е. культъ человѣка) дастъ ей (природѣ) возможность, воспользуясь сумятицей въ лагерѣ человѣка, атаковать его и взять штурмомъ.

200. Штирнеровская формула: «мнѣ принадлежитъ міръ»—въ моемъ переводѣ означаетъ: я освобождаю «міръ», природу отъ человѣка и, слѣдовательно, этотъ «міръ»—природа своимъ будущимъ существованіемъ, независимымъ отъ человѣка, *обязанъ мнѣ*: онъ—мой.

201. Толстой—апологетъ обыденности. Вся проповѣдь его, это—апоѳеозъ пошлости, ординарности, человѣческаго ничтожества. Это — проповѣдь духовной смерти человѣка *во имя сохраненія его жизни*. Толстой первый почувствовалъ и понялъ, что духовный ростъ личности грозитъ человѣчеству страшными бѣдствіями и даже угрожаетъ самому существованію человѣка. Съ пѣной у рта и жаждой покоя на сердцѣ Толстой въ теченіе сорока лѣтъ не устаетъ повторять человѣку: «остановись, потуши въ себѣ этотъ огонь вѣчной неудовлетворенности, влекущей тебя все дальше и дальше, ибо всѣ эти идеалы и «переоцѣнки цѣнностей» не что иное какъ блуждающіе огни, влекущіе тебя въ бездну, — въ смерть!» Толстой хочетъ, чтобы человѣкъ склонилъ свою буйную голову на мягкую подушку и уснулъ «сномъ праведнымъ» съ

старой какъ міръ формулой на устахъ: «добро есть Богъ». Его приводитъ въ содроганіе непокорность человѣка. Поэтому онъ такъ ожесточенно «мечетъ громы» на голову Ницше, будирующаго молодыя еще не закоснѣвшія сердца.

202. Левъ Шестовъ, при своемъ протестѣ противъ «власти идей», видитъ въ отступничествѣ Льва Толстого особенную цѣнность и старается доказать, что психологія этого отступничества родственна бунтарской психологіи Достоевскаго и Ницше. Но это было бы такъ, если бы Шестовъ доказалъ, что Толстому чуждо преклоненіе передъ какими бы то ни было духовными цѣнностями. Къ несчастью факты говорятъ противъ Шестова. Толстой постоянно и неустанно апеллируетъ къ идеямъ «добра», «Бога», «сострадания», «любви» и т. д. Въ сужденіяхъ Л. Шестова о Толстомъ психологизмъ дѣлается конькомъ, на которомъ Шестовъ довольно неудачно подъѣхалъ къ личности Толстого.

203. Будущій человѣкъ, найдя счастье и найдя оправданіе его въ себѣ и своихъ собратьяхъ по духу въ прошломъ (человѣколюбцахъ, гуманистахъ), не найдетъ этого оправданія у Достоевскаго и ему подобныхъ.

204. Достоевскій говоритъ о каторжникахъ: «погибли даромъ могучія силы, погибли *ненормально, незаконно* [1]), безвозвратно...» Другими словами, гибель преступниковъ, извергнутыхъ человѣчествомъ изъ себя (людей «безнравственныхъ»: убійцъ, воровъ и поджигателей) по мнѣнію Достоевскаго «ненормальна» и «незаконна». Что же нормально? Что законно? Отвѣтъ ясенъ. Торжество въ жизни,—въ человѣчествѣ преступленія, убійства,—однимъ словомъ—зла — вотъ та новая норма и тотъ новый законъ, которые нашли своего горячаго,

---

[1]) Курсивъ мой.

хотя и по-христіански замаскированнаго, апологета въ лицѣ Достоевскаго.

205. Достоевскій называетъ Раскольникова «эстетической вшой». Я бы сказалъ: «идейная вошь», ибо Раскольникова погубила идея служенія человѣчеству,—идея добра. Онъ не могъ дѣлать зло ради зла, а принималъ только зло, какъ неизбѣжное средство для совершенія «добрыхъ дѣлъ». Зло, какъ цѣль; злодѣйство, какъ самоцѣль (Свидригайловъ — типичный примѣръ этого рода злодѣйства),—было ему противно и внушало лишь отвращеніе, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то внутренняя сила толкала его къ Свидригайлову.

206. Абсолютно отрицать идеализмъ невозможно, ибо и у самаго звѣроподобнаго преступника есть все же нѣкоторое примитивное сознаніе,—есть зачаточная идея своей правоты,—своего *права* на преступленіе. Все дѣло лишь въ томъ, какіе идеалы и идеи руководили преступникомъ. Онъ можетъ считать правымъ себя въ своемъ преступленіи въ томъ смыслѣ, что его преступленіе оправдывается добромъ или жаждой добраго дѣла (Раскольниковъ и проч.), но онъ можетъ также въ своемъ преступленіи видѣть дѣйственную апологію зла, какъ таковаго; въ такомъ случаѣ онъ тоже является идеалистомъ, одержимымъ идеей, но не идеей добра, а идеей зла. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ-то и является *самымъ безъидейнымъ* въ первомъ смыслѣ этого слова (т. е. безъ идей добра, Бога, любви и т. д.). Въ немъ меньше идейности, чѣмъ въ томъ, кто ограничился бы индифферентизмомъ по отношенію ко всѣмъ вообще идеямъ, какъ къ злу, такъ и добру, какъ Богу, такъ и Дьяволу и т. д., ибо онъ, стремясь къ злу, *активно* выступаетъ противъ добра и его глашатаевъ.

207. Жестоко ошибаются тѣ, которые героевъ Достоевскаго и подобныхъ имъ реальныхъ людей называютъ «несча-

стными». Они забываютъ, что именно въ нѣдрахъ страшнаго несчастья скрывается неизсякаемый источникъ остраго, нечеловѣческаго счастья. Такъ, напримѣръ, Левъ Шестовъ полагаетъ, что героямъ Достоевскаго знакомо лишь трагическое несчастье (вѣдь бываетъ и комичное несчастье!). Въ дѣйствительности же имъ не менѣе знакомо *трагическое счастье*. Это не парадоксъ,—не игра словъ... Трагическое счастье мы находимъ у Кириллова, у Рогожина, у Раскольникова, у Ивана и Дмитрія Карамазовыхъ и т. д. Одно трагическое несчастье (и то съ оттѣнками комизма) свойственно, напримѣръ, Макару Дѣвушкину, Мармеладову, Сонѣ, даже кн. Мышкину, хотя въ послѣднемъ уже чувствуется нота особеннаго, слишкомъ человѣческаго счастья. Ив. Карамазовъ, Рогожинъ и т. д. несчастны, какъ люди, но именно поэтому въ нихъ ликуетъ все нечеловѣческое, стихійное и бунтарское.

208. Воспользуясь мѣткимъ словомъ Ницше, я скажу, что Ницше, Штирнеръ и Шестовъ «замораживали» идеалы и идеи, — и только, ибо для того, чтобы ихъ опровергнуть, дискредитировать,—для этого нужны новые, противоположные идеалы,—нуженъ противоположный полюсъ духа, между тѣмъ Ницше, Штирнеръ и Шестовъ—только на пути къ нему.

209. Человѣкъ не можетъ назвать «правдой» приговоръ надъ собой, ибо это значило бы—подписать самому себѣ,—своимъ чаяніямъ и своему дѣлу,—смертный приговоръ. Человѣкъ въ *„правдѣ“* ищетъ *оправданія* своего существованія, а не обвиненія [1]). Вотъ почему мнѣ чуждъ идеалъ истины и близокъ идеалъ лжи: стремленіе къ послѣднему вытекаетъ изъ желанія дать оправданіе жизни первобытной, антигуманной, неочеловѣченной природы. Какъ для человѣка «правда» является орудіемъ борьбы его съ природой, такъ для меня «ложь»

[1]) Если не этимологически, то психологически „правда“ является ничѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ „оправданіемъ“.

является орудіемъ борьбы съ человѣкомъ. Въ обоихъ случаяхъ сознаніе является лишь батракомъ «воли».

210. Въ „Когда мы мертвые пробуждаемся“ Ибсенъ отрекается отъ творческихъ богатствъ своей души во имя почти нетронутыхъ имъ залежей своей человѣческой жизни, но само отреченье происходитъ путемъ творчества новаго произведенія. („Когда мы мертвые пробуждаемся“) Не является ли это миніатюрнымъ фокусомъ, въ которомъ отражается борьба съ деспотіей духа,—борьба, въ которой наступающій на духа самъ вооруженъ духовными доспѣхами?

211. Жизнь человѣка заключена въ кругъ. Но въ какой кругъ?—вотъ вопросъ. У однихъ это—кругъ семейныхъ обязанностей, у другихъ—кругъ общественныхъ и государственныхъ обязанностей, у третьихъ—кругъ общечеловѣческихъ обязанностей и, наконецъ, у четвертыхъ—кругъ міровыхъ, вѣчныхъ обязанностей. Преобладаніе *отрицанія* у послѣднихъ объясняется тѣмъ, что высшій, предѣльный кругъ исключаетъ изъ себя градацію предварительныхъ кругооборотовъ. Однако этотъ отрицательный характеръ ихъ жизнепониманія не всегда —голое отрицаніе. Отрицаніе индивидуалиста - натуралиста, напримѣръ, опирается на столь же обширное, вѣчное утвержденіе,—утвержденіе природы. Чѣмъ больше отрицанія въ отношеніяхъ личности къ человѣку и человѣческому законодательству, тѣмъ болѣе скрытаго отъ человѣка утвержденія въ его отношеніяхъ къ природѣ и ея враждебнымъ по отношенію къ человѣку стихіямъ. Человѣкъ неизбѣжно долженъ назвать философію индивидуализма отрицательной философіей или нигилизмомъ, ибо онъ живетъ химерой, что человѣкъ—все, и отрицаніе человѣка по его мнѣнію, это—отрицаніе всего.

212. Въ „Веселой Наукѣ“ есть нѣсколько строкъ, которыя, какъ мнѣ кажется, открываютъ намъ глаза на происхожденіе ницшевской философіи потусторонности. „Въ самомъ дѣлѣ,

—говоритъ Ницше, —вѣдь, зловреднѣйшій человѣкъ, съ точки зрѣнія сохраненія рода, приноситъ, быть можетъ, громадную пользу, ибо поддерживаетъ и другихъ, самымъ фактомъ своего существованія или своими дѣйствіями, такія стремленія, безъ которыхъ человѣчество надолго заснуло бы или совсѣмъ облѣнилось".

Въ жизни происходитъ постоянная, ожесточенная, явная и скрытая борьба человѣческихъ и безчеловѣчныхъ силъ. Фиксируя эту борьбу, разсматривая ее статически,—можно, вслѣдъ за Ницше, сказать, что вредъ=пользѣ, зло=добру, человѣкъ=природѣ,—но ограничиться только такимъ взглядомъ на борьбу нельзя, ибо, если въ ней можно уловить, а при абсолютизаціи понятій и универсализировать, постоянство и равновѣсіе силъ,—то въ ней же мы находимъ непостоянство, колебаніе вѣсовъ,—однимъ словомъ находимъ нѣчто (динамическое, процессуальное. Въ концѣ концовъ все зависитъ отъ того, каковъ объектъ вѣры и знанія даннаго индивидуума... Человѣкъ или природа?

213. Люди думали и продолжаютъ думать, что „страшный судъ" надъ человѣчествомъ будетъ казнить ихъ „на небѣ",—въ потустороннемъ мірѣ и судьей будетъ Богъ. Увы! Они и не замѣтили, что судьи уже явились на землю и ждутъ только своего глашатая и властителя, чтобы вынести окончательный, смертельный приговоръ человѣку. Люди полагали, что природа и-звѣчно будетъ подсудимой, и не замѣтили, какъ она преобразилась въ грознаго, страшнаго и неумолимаго судью и избрала нѣкоторыхъ для возвѣщенія людямъ о скоромъ пришествіи Сатаны-природы.

214. Самое преобладающее чувство въ моей душѣ, это—чувство ожиданія,—ожиданія смерти,—чувство безвозвратно приговореннаго къ смерти. *Это ожиданіе—нервъ моей жизни и моего творчества.*

215. Вы знаете ужасъ ожиданія,—длительнаго, истязующаго сердце ожиданія смерти,—ожиданія того мгновенія, той капли времени, когда безуміе уже надвинется *окончательно* на душу, но *не* окончательно еще скуетъ ее своими зубами, —того мгновенія, когда можно сдѣлать только одинъ шагъ,— одно пожатіе курка? А если его прозѣваешь, если... А если струсишь передъ переходящимъ призракомъ смерти, если... Если окончательное не будетъ окончательнымъ... если неокончательное не окажется таковымъ?! Что тогда?

216. Подпольный человѣкъ Достоевскаго говоритъ: „Человѣку надо—одного только *самостоятельнаго* [1]) хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела". Въ этихъ строкахъ Достоевскій вскрываетъ, обнажаетъ анархичность человѣческой натуры,—тотъ самый анархизмъ ея, который, въ поискахъ самостоятельнаго хотѣнья и автономной, независимой отъ человѣческихъ нормъ, роли въ жизни, проявится, наконецъ, въ крайней степени этой независимости воли отъ человѣка,—въ желаніи гибели человѣческаго рода. Именно страхомъ передъ этой тенденціей, овладѣвающей человѣческой волей все въ болѣе и болѣе грозной формѣ и предвѣщающей ему самоосвобожденіе (въ смыслѣ освобожденія отъ себя,—отъ всего человѣческаго въ себѣ),—именно этимъ страхомъ объясняется вся проповѣдь Толстого,—этого достойнаго удивленія идеолога духовнаго консерватизма человѣка.

217. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же подпольный человѣкъ говоритъ: «Я хоть и доложилъ вначалѣ, что сознаніе, по-моему, есть *величайшее для человѣка несчастіе* [2]), но я знаю, что человѣкъ его любитъ и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія». Положимъ, что Толстой и его сподвижники, неза-

[1]) Курсивъ Достоевскаго.
[2]) Курсивъ мой.

думываясь «промѣняли» его на душевный покой и жизнь въ добрѣ и правдѣ»!

Но Достоевскому и прочимъ подпольнымъ людямъ нѣтъ дѣла до того, чѣмъ убаюкиваютъ себя надпольные жители. Они рады «величайшему для человѣка несчастью», вскормленному ядами сознанія и въ послѣднемъ видятъ залогъ гибели вавилонской башни, именуемой «человѣческой культурой». Внутренній, хотя и не вполнѣ вскрытый смыслъ вышеупомянутой мысли Достоевскаго тотъ, что *человѣкъ начинаетъ загораться любовью къ своей гибели.* Будемъ же привѣтствовать эти новые, еще невѣдомые міру огни, освѣтившіе нечеловѣческимъ свѣтомъ наши сердца и умы!

218. Въ «Сердце—изобличитель» Эдгаръ По нарисовалъ намъ картину ужаса и безнадежности борьбы души со стоглавой гидрой—совѣстью. Будучи побѣжденнымъ, глазъ совѣсти передаетъ свою миссію изобличенія сердцу, которое и совершаетъ свое неумолимое дѣло.

219. Я не могу согласиться съ тѣми комментаторами Ницше (какъ Пшибышевскій, Шестовъ и проч.), которые въ его ученіи усматриваютъ лишь ту довольно слабую сторону, которую я назвалъ бы статической или наиболѣе консервативной стороной его. Этотъ консерватизмъ сказался въ ницшевскомъ ученіи потусторонности, предпосылкой котораго являлась реальная яко-бы полнота власти природы надъ человѣкомъ. Формула: «нѣтъ ни добра, ни зла, ибо и то и другое исходитъ отъ имморальной природы, властвующей надъ человѣкомъ»—грѣшитъ противъ самыхъ очевидныхъ, рѣжущихъ глаза фактовъ возрастающей власти человѣка надъ природой. Вся жизнь человѣка возможна лишь благодаря завоеванной имъ власти надъ природой. Именно эта власть надъ природой и ея распространеніе, — ея универсализація, — и находитъ свое выраженіе въ культѣ добра. Ницше и прочіе *идеологи*

*потусторонности* во имя свободы отъ морали закрыли глаза на эту власть человѣка надъ стихіями природы и слишкомъ поспѣшно провозгласили реальность самодержавія природы, тогда какъ оно долго еще (пока будетъ существовать родъ человѣческій) будетъ оставаться только мечтой человѣкоборцевъ и возродителей первобытной, антигуманной природы. Пока можно лишь сказать, что *въ насъ и черезъ насъ* стихіи природы вокресаютъ для своей самобытной и свободной отъ человѣка жизни, и что это воскресеніе теоретическое и религіозное выраженіе свое находитъ въ культѣ природы, зла и Сатаны. Признать ненужнымъ этотъ культъ, это значитъ—отрѣшиться отъ борьбы съ «человѣческой культурой», т. е. съ культурой добра. Такое отрѣшеніе, — такое самоотреченіе не могло бы не замедлить великаго дѣла: самоосвобожденія природы.

220. Всѣ силы мысли и сердца человѣкоборцевъ должны быть направлены на то, чтобы мечты человѣка о «новой жизни» оставались *только* мечтами... Достоевскій, Ницше, Леонтьевъ, Шестовъ и проч. хорошо знали, въ чемъ заключается ихъ «призваніе»: всѣ они были убійцами человѣческихъ надеждъ, всѣ они—неумолимые палачи романтизма. Жизнь человѣка *ради* смерти его—вотъ та единственная «новая жизнь», которая рисовалась ихъ сатанинской, ожесточенной фантазіи. Лучшее свое выраженіе такая подпольная мечта о «новой жизни» получила въ одной изъ послѣднихъ страницъ «Преступленія и наказанія», въ грезахъ больного Раскольникова. Страннымъ, двусмысленнымъ аккордомъ заканчиваются они: «Язва росла и подвигалась все дальше и дальше. Спастись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ (?), это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но *никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и го-*

*лоса*». Что же это за люди, о которыхъ никто ничего не слыхалъ? Очевидно, это не Толстые, Некрасовы, Шиллеры и т. д., ибо ихъ голоса гремятъ на всю землю, ихъ призывы извѣстны даже дѣтямъ... Такъ кто же они такіе? Предоставляю читателю самому рѣшить этотъ вопросъ, ибо подобные вопросы каждый долженъ рѣшать самостоятельно,—«за свой страхъ и рискъ».

221. Подобно солнцу, мучимому избыткомъ внутренняго свѣта, мы жаждемъ черной, непроглядной, сѣверной ночи, чтобы засыпать ее нашими звѣздами,—нашими факелами, зажженными на алтарѣ нашего огнедышащаго сердца. Подобно ему, мы безтрепетно расточаемъ свои сокровища, тогда какъ вся жизнь толпы полна ненасытной, томительной тоски по нимъ,—по океанамъ свѣта, истекающимъ изъ нашего сознанія и нашей души. Наше дѣло—отдать свою кровь и свой огонь; ихъ дѣло:—принять ихъ и насытиться ими.—Солнце и земля:—такова наиболѣе яркая символизація нашихъ отношеній другъ къ другу.

222. Неизбѣжность человѣческой гибели, сказывается не только въ появленіи глашатаевъ новаго *натуралистическаго анархизма*, культивирующаго зло и дезорганизирующаго человѣческое стадо,—но также и въ томъ, что сами адвокаты человѣка стали слишкомъ неистово и ожесточенно цѣпляться за неуспѣвшіе еще подгнить столбы своего зданія: эта дрожь,—этотъ страхъ смерти указываетъ на тщету ихъ усилій и наводитъ на мысль, что они уже утеряли вѣру въ успѣшность усилій сохранить (только сохранить!) свою жалкую, опостылѣвшую «жизнь». Всѣ свои силы они направляютъ на то, чтобы усыпить, успокоить вѣчно мятущуюся душу человѣческую и, повидимому, достигаютъ своей цѣли: одурманенный «великими людьми» человѣкъ успокаивается и становится тѣмъ «удовлетвореннымъ человѣкомъ», который, если вѣрить Платону, «хуже неудовлетворенной свиньи».

223. Черезъ личность и ея самобытность развертывается оголенная, неочеловѣченная природа. Личность, это залогъ того, что природа рано или поздно возродится къ жизни. Черезъ общество, человѣчество—человѣкъ развертываетъ свитокъ своихъ силъ, направляя ихъ на борьбу со стихіями природы, т. е. очеловѣчиваетъ ихъ,—приспособляя къ себѣ и своимъ идеаламъ. Между первой и вторымъ всегда было и будетъ антагонистическое отношеніе: въ то время какъ первая является разрушительницей человѣческаго благополучія, второе всѣ силы направляетъ на утвержденіе и сохраненіе его. Идеалъ первой все—природа; идеалъ второго все—человѣкъ. Романтизмъ личности выражается въ мечтѣ о порабощенномъ человѣкѣ; романтизмъ человѣчества—въ мечтѣ о порабощенной природѣ.

224. Не нуженъ и не долженъ быть «синтезъ» вражескихъ психологій, ибо этотъ «синтезъ», о реализаціи котораго мечтаютъ благодушные примирители въ духѣ Волынскаго, есть не что иное какъ подушка, которая очень желательна для больного, но на которую никогда не промѣняетъ гордая и сильная душа возможностей новой борьбы. Ибо борьба—ея сфера, ея стихія и право.

225. Страшная, кошмарная, полная самоистязанія душевная температура «необыкновенно способнаго къ преступленію» Ставрогина и живущаго идеей самоубійства Кириллова ярко и пламенно выявляетъ трагизмъ личности, отягченной силой первобытной стихійности, но не находящей для этой силы примѣненія въ человѣческомъ мірѣ. Оба они кончаютъ свою жизнь самоубійствомъ: одинъ—стремясь къ нему какъ къ «страшной свободѣ», другой—загнанъ въ тупикъ, изъ котораго возможенъ лишь одинъ выходъ... «Страхъ есть проклятіе человѣка», говоритъ Кирилловъ: этими немногими словами съ удивительнымъ ясновидѣніемъ Достоевскій гово-

ритъ объ ужасѣ души, оторванной отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ и прикованной къ жизни одной только силой страха предъ смертью. Странная, нечеловѣческая иронія въ судьбѣ Кириллова: мертвый для человѣчества и его надеждъ, онъ «живетъ» страхомъ смерти, наполняющимъ собою всю пустыню его духа,—всѣ нервы его сердца, давно уже переставшаго биться при соприкосновеніи съ людьми. Мучительнымъ опытомъ Кирилловъ убѣждается въ томъ, что, будучи свободнымъ отъ всего человѣческаго, онъ все же остается рабомъ,—рабомъ страха предъ смертью и жизнью въ природѣ. И онъ рѣшается побѣдить его,—это послѣднее убѣжище для мятежнической и властолюбивой души. Но еще болѣе той же роковой для одинокой личности иронiи въ судьбѣ Ставрогина: красавецъ, аристократъ духа и тѣла, полный презрѣнія къ смерти и кровнымъ оскорбленіямъ, властный и самодержавный энтузіастъ, «Иванъ-Царевичъ»—онъ бороздитъ свѣтъ вдоль и поперекъ и томится по страшной демонической красотѣ своего царствованія на землѣ! Убійца, геніальный подлецъ и жестокій сладострастникъ—онъ кончаетъ свою проклятую и прекрасную жизнь мыломъ и веревкой! Оба они—случайные и *непрошенные* гости человѣческаго міра. Показавъ свой страшный ликъ, они ушли въ свое отечество,—въ міръ родныхъ стихій,—ушли для того, чтобы вновь «возстать изъ мертвыхъ» еще болѣе могучими и непобѣдимыми.

226. Помните восклицаніе Дмитрія Карамазова: «Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей»?! Эти слова, сказанныя по поводу сущности красоты, можно было бы поставить въ видѣ эпиграфа на книгѣ Достоевскаго «Идіотъ». Въ лицѣ Настасьи Филипповны Достоевскій далъ намъ эту воплощенную. загадочную и неуловимую красоту..: Съ цѣлью болѣе яркой и выпуклой обрисовки ея рокового дуализма,—демонизма и божественности ея чаръ,—Достоевскій сдѣлалъ ее «яблокомъ

раздора» между Мышкинымъ и Рогожинымъ, т. е. между двумя антиподными натурами: человѣческой и гуманной натурой Мышкина и стихійной и жестокой натурой Рогожина. Въ то время какъ первый любитъ Настасью Филипповну «не любовью, а жалостью», второй любитъ ее всею силою своей жестокости. Роль же Настасьи Филипповны—роль перебѣжчицы:—отъ Рогожина къ Мышкину, отъ Мышкина къ Рогожину! Могучій, какъ первобытная природа, Рогожинъ и въ своей любви похожъ на огненную стихію, не останавливающуюся передъ разрушеніемъ своей и чужой жизни. Князь Мышкинъ (эта олицетворенная гуманность) напротивъ даже и въ отношеніяхъ своихъ къ любимой женщинѣ проявляетъ только одно голое состраданіе и, хотя ему и удается вызвать взаимное чувство у Настасьи Филипповны, однако взаимность эта слишкомъ безсильна для того, чтобы не улетучиться (въ концѣ концовъ), отъ прикосновенія той свирѣпой силы страсти, отъ которой сама Настасья Филипповна ждала своей вѣрной гибели. Каковъ же конечный итогъ всей этой лихорадочной борьбы изъ-за обладанія красотой? Рогожинъ гибнетъ для жизни, князь же Мышкинъ продолжаетъ влачить свою особенную, но жалкую жизнь «идіота». Другими словами, изъ жизненныхъ бурь и борьбы за красоту бытія невредимыми выходятъ «идіоты» Мышкины [1]); Рогожины же не могутъ выжить въ этой затхлой атмосферѣ человѣколюбія и всезаполняющаго (даже чувство любви—нервъ жизни) состраданія,—не могутъ выжить благодаря своей безумной, бушующей въ груди тоскѣ по другому бытію,—бытію могучихъ

---

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, добавить, что и на долю Мышкиныхъ достается не мало жгучихъ страданій, но страданій обратнаго, не рогожинскаго полюса душевной жизни. Мышкинъ—слишкомъ человѣкъ,—слишкомъ любитъ человѣка и потому неизбѣжно долженъ всю жизнь страдать.

стихій, равнодушному къ человѣческому счастью и человѣческимъ чаяніямъ... Рогожинъ гибнетъ, но, вмѣстѣ съ его гибелью, исчезаетъ съ лица земли и властолюбивая красота Настасьи Филипповны, ибо для послѣдней нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ уживаются благодаря своей человѣчности «идіоты» Мышкины! Или власть красоты, или «жизнь» Мышкиныхъ—такова дилемма, поставленная Достоевскимъ [1]). Въ заключеніе маленькій вопросъ: ктэ же получилъ отъ Достоевскаго пальму первенства: Богъ или Дьяволъ?

227. Два слова по поводу моего *проспективнаго метода* метода предвосхищенія) познаванія. Мнѣ кажется, что основную, центральную черту существующихъ философскихъ системъ и научныхъ построеній наиболѣе мѣтко можно охарактеризовать терминомъ «историзмъ». Сущность этого «историзма» сводится къ *власти прошлаго надъ настоящимъ*. Особенно выпукло эта власть прошлаго сказывается въ тенденціи человѣческаго ума къ причинному обоснованію явленій и къ познанію «первопричины» или Бога. Не буду перечислять всѣхъ тѣхъ симптомовъ въ сферахъ научной, философской и религіозной жизни нашего времени, серьезный, глубинный діагнозъ которыхъ не можетъ не убѣдить насъ въ томъ, что мы переживаемъ мучительный кризисъ: освобожденіе отъ власти надъ нами прошлаго и провозглашенія *власти будущаго*. Вкратцѣ эти симптомы слѣдующіе: въ наукѣ и «научной философіи»—прагматизмъ; въ философіи—индивидуализмъ; въ религіи—религіозный анархизмъ и сатанизмъ. Чѣмъ объяснить эту чреватую огромными послѣдствіями борьбу прошлаго съ будущимъ? Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока человѣкъ жилъ въ единеніи съ прошлымъ или, еще точнѣе, пока онъ *жилъ*

[1]) Если Мышкинъ и является „выкидышемъ“, какъ называетъ онъ себя, то лишь благодаря своей утрированной человѣчности.

*прошлымъ*,—до тѣхъ поръ его думѣ была невѣдома борьба будущаго съ прошлымъ, ибо всѣ его взгляды были обращены на прошлое и, руководствуясь угломъ зрѣнія, выработаннымъ исторіей,—онъ могъ дѣлать попытки проникнуть чрезъ бронь будущаго. Если же прошлое перестаетъ удовлетворять запросы его духа, то причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что центръ тяжести его жизни постепенно перемѣщается изъ прошлаго въ будущее, т. е., другими словами, его душа все болѣе отчуждается, отъединяется отъ прошлаго,—все болѣе соединяетъ себя съ будущимъ. Тутъ происходитъ нѣчто подобное переживаніямъ отдѣльной личности, захваченной страшнымъ, мучительнымъ внутреннимъ кризисомъ,—кризисомъ, послѣ котораго даже воспоминаніе о своемъ жалкомъ прошломъ можетъ лишь отравлять часы. Вспомните, напримѣръ, съ какимъ мучительнымъ отвращеніемъ на сердцѣ вспоминалъ Ницше свою идеалистическую юность и свою профессуру! И хотя бы будущее готовило безуміе, несчастье и смерть—все же оно, а не прошлое, притягиваетъ къ себѣ взоръ такой, пережившей роковой переломъ, личности... Тутъ умѣстно привести одну поразительную, не обратившую на себя должнаго вниманія, «идею» подпольнаго человѣка Достоевскаго:... «человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* [1]) (это ужъ моя идея)». Въ этихъ строкахъ Достоевскій выступаетъ, какъ глашатай новаго долга, а, слѣдовательно, и новой, злой совѣсти. Маленькое словечко «иногда» вставлено съ цѣлью предупредить вторженіе «незванныхъ гостей»

---

1) Подчеркнуто у Достоевскаго.

въ царство подполья и подпольныхъ настроеній... На дверяхъ подполья Достоевскій написалъ страшныя, безумьемъ рожденныя слова: «Мы прокляты, жизнь людей проклята вообще!.. Смѣлѣй, человѣкъ, и будь гордъ!» («Кроткая»). Пусть же входятъ тѣ, у которыхъ хватаетъ на то смѣлости!..

228. Какъ извѣстно, во времена сильно пульсирующей религіозной жизни (какъ-то въ «средніе вѣка») носитель зла и владыка ночи рисовался воображенію человѣка не въ менѣе яркихъ и грозныхъ чертахъ, нежели Богъ, т. е. носитель добра и «князь свѣта». Даже въ Евангеліи Сатанѣ отведена далеко немаловажная роль: роль искусителя, возвеличивающаго образъ Христа до недосягаемой высоты. Совсѣмъ другое отношеніе къ «князю тьмы» находимъ мы въ современномъ «интеллигентномъ» обществѣ,—въ томъ самомъ обществѣ, которое и къ Богу и вообще къ религіозной жизни относится со все менѣе и менѣе скрываемымъ, циничнымъ индифферентизмомъ. Эта параллель имѣетъ огромное значеніе для выясненія вопроса о томъ, дѣйствительно ли сатанизмъ, какъ современное религіозное бунтарство, заслуживаетъ только высокомѣрную, ироническую улыбку, или же въ немъ слѣдуетъ видѣть зарю новой религіозной жизни, когда вновь воскресшіе божество и Сатана помѣняются ролями и вступятъ въ обратный фазисъ своего бытія? Достоевскій, во всемъ творчествѣ котораго чувствуется постоянное присутствіе свѣтлой и темной стихій, словами Лебедева въ «Идіотѣ» протестуетъ противъ «невѣрія въ дьявола», какъ «легкой мысли». «Дьяволъ одинаково владычествуетъ человѣчествомъ до предѣла временъ еще намъ неизвѣстнаго. Вы смѣетесь? Вы не вѣрите въ дьявола? Невѣріе въ дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль. Вы знаете ли, кто есть дьяволъ? Знаете ли, какъ ему имя? И не зная даже имени его, вы смѣетесь надъ формой его, по примѣру Вольтерову, надъ копытами, хво-

стомъ и рогами его, вами же изобрѣтенными; ибо *нечистый духъ есть великій и грозный духъ* [1]), а не съ копытами и съ рогами, вами ему изобрѣтенными». Приводя этотъ обличительный монологъ Лебедева, я отнюдь не задаюсь цѣлью пріобщить Достоевскаго къ открытымъ, цѣльнымъ сатанистамъ. Я только иллюстрировалъ свою мысль о неизбѣжности параллелизма въ творчествѣ образовъ, символизирующихъ торжество добра и зла. Такой параллелизмъ религіознаго творчества свое психологическое объясненіе находитъ въ потребности религіозной души не унижать своего Бога слишкомъ жалкимъ образомъ его противника. Только слишкомъ ограниченный человѣкъ можетъ допустить, что, говоря о борьбѣ Бога съ Дьяволомъ, Достоевскій имѣлъ въ виду существо съ копытами и рогами...

229. Достоевскій,—этотъ достойный безграничнаго удивленія хирургъ-психологъ,—въ «Объясненіи» Ипполита («Ідіотъ») даетъ намъ огромную идею, бездонность которой потрясаетъ душу и терзаетъ умъ. Ипполитъ пишетъ: «природа до такой степени ограничила мою дѣятельность своими тремя недѣлями приговора, что, можетъ быть, самоубійство есть единственное дѣло, которое я еще могу успѣть начать и окончить по собственной волѣ моей. Что же, можетъ быть, я и хочу воспользоваться послѣднею возможностью *дѣла*? [2]). Протестъ иногда не малое дѣло»... Такъ заканчиваетъ свое «объясненіе» Ипполитъ. Достоевскій оставляетъ читателя съ глазу на глазъ съ мучительной загадкой ничего не объяснившаго «объясненія». Противъ чего или кого «протестуетъ» Ипполитъ? Очевидно, не противъ природы, ибо она, своимъ приговоромъ надъ нимъ, обусловила его желаніе «воспользоваться послѣднею возможностью *дѣла*». Но въ его протестѣ нельзя

[1]) Курсивъ мой.
[1]) Курсивъ Достоевскаго.

найти и той *свободы*, которая направила бы его противъ человѣка, ибо онъ хочетъ «*дѣла*», и только поневолѣ,—только благодаря насилію рѣшается на *такое* «дѣло». Тутъ какіе-то тиски, заставляющіе волю человѣка направиться противъ самого себя, тутъ—*роковая неизбѣжность самоуничтоженія человѣка*... Достоевскій предвосхищаетъ то далекое (для нѣкоторыхъ—близкое) будущее, когда близость смерти до такой степени остро и неумолчно будетъ ощущаться человѣкомъ, что единственнымъ, возможнымъ для него дѣломъ явится самоуничтоженіе,—уничтоженіе себя по собственной волѣ, являющейся въ то же время и волей природы. Онъ—пророкъ, предвѣщающій неизбѣжность сліянія воли человѣка съ волей природы, направленной на уничтоженіе человѣка. «Три недѣли», которыми ограничена жизнь Ипполита,—это только для большей ясности и выпуклости слишкомъ сложной, глубинной мысли: «три недѣли», три столѣтія, три тысячелѣтія и т. д. Достоевскій понималъ, что не во времени тутъ дѣло,—что если одного приводятъ къ самоуничтоженію «три недѣли» жизни, то другого къ тому же шагу могутъ привести и тысячелѣтія жизни, все же побѣждаемой смертью. Далѣе, если Ипполиту «три недѣли» жизни не даютъ сдѣлать никакого иного «*дѣла*», кромѣ самоуничтоженія, то Достоевскимъ можетъ быть мало и тысячелѣтій для совершенія *своего дѣла*: увѣковѣченія человѣческой жизни. А если такъ, если никакія тысячелѣтнія муки и усилія не могутъ сдѣлать человѣка вѣчнымъ,—то остается лишь одно «*дѣло*»: соединить свои силы съ силами антигуманной, сатанинской природы и приблизить гибель человѣчества. Такимъ образомъ, человѣкъ, по собственной волѣ своей, подписываетъ себѣ смертный приговоръ и собственными руками сколачиваетъ себѣ гробъ!

230. Ипполитъ размышляетъ по поводу картины (Распятіе Христа), видѣнной имъ въ домѣ Рогожина: «Тутъ невольно

приходитъ понятіе, что если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь даже Тотъ, Который побѣждалъ и природу при жизни Своей, Которому она подчинялась, Который воскликнулъ: «Талиоа куми» — и дѣвица встала, «Лазарь, гряди вонъ» — и вышелъ умершій?.. Картиной этой будто именно выражается это понятіе о темной, наглой и безсмысленно-вѣчной силѣ, которой все подчинено, и передается вамъ невольно». Здѣсь, въ этихъ немногихъ строкахъ, выражается во всей своей неотразимости рокъ, тяготѣвшій надъ христіански-сатанинской душой Достоевскаго. Этотъ рокъ—въ томъ, что, идя до конца путемъ истаго христіанина, Достоевскій приходитъ къ побѣжденному и униженному Христу,—къ Христу, надъ которымъ издѣвается и властвуетъ та самая страшная сила, въ бѣгствѣ отъ которой онъ, Достоевскій, повѣрилъ въ могущество своего Бога-Христа. Достоевскій проходитъ длинный тернистый путь отъ непосредственной вѣры въ Христа — побѣдителя природы къ вѣрѣ въ Христа, побѣжденнаго природой: эта послѣдняя вѣра въ то же время является и вѣрой въ Побѣдителя Христа—въ Сатану. Побѣдитель же Христа явился на землю въ лицѣ «великаго инквизитора», т. е. въ лицѣ католицизма [1]). Этимъ объясняется та неистовая проповѣдь православія, за которую такъ судорожно и тщетно цѣплялся всю жизнь Достоевскій.

231. «Легендой о великомъ инквизиторѣ» Достоевскій хотѣлъ сказать современному человѣчеству, что его пути,—пути безбожные, сатанинскіе,—что мечты о всемірномъ будущемъ счастьѣ внушены человѣку Сатаною, передавшимъ свою миссію католицизму». На закатѣ дней своихъ онъ («великій инквизиторъ») убѣждается ясно, что лишь совѣты ве-

[1]) Такова смутная, двусмысленная мысль, блуждавшая въ головѣ Достоевскаго и заставлявшая его метаться между двумя вѣрами.

ликаго страшнаго духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить въ сносномъ порядкѣ малосильныхъ бунтовщиковъ, «недодѣланныя пробныя существа, созданныя въ насмѣшку». И вотъ, убѣдясь въ этомъ, онъ видитъ, что надо идти по указанію умнаго духа, страшнаго духа смерти и разрушенія, а для того принять ложь и обманъ, и *вести людей уже сознательно къ смерти и разрушенію* [1]) и при томъ обманывать ихъ всю дорогу, чтобы они какъ-нибудь не замѣтили, куда ихъ ведутъ, для того, чтобы хоть въ дорогѣ-то жалкіе эти слѣпцы считали себя счастливыми. И замѣть себѣ, обманъ во имя Того, въ идеалъ котораго столь страстно вѣровалъ старикъ во всю свою жизнь! Развѣ это не несчастье»: Иванъ Карамазовъ, при этомъ, часто повторяетъ, что старикъ «по своему» любилъ человѣчество. Достоевскій какъ бы настаиваетъ на мысли, что насколько въ любви Іисуса Назарейскаго было непосильной для человѣка божественности, настолько же въ любви «великаго инквизитора» было человѣчнаго отношенія къ человѣку. Какой же любви человѣкъ отдалъ предпочтеніе? Факты говорятъ громче всякихъ неистовствующихъ проклятій: власть надъ человѣчествомъ божественной любви и дарованной Богомъ свободы привела бы человѣка къ анархіи и неминуемой гибели, ибо «нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найдти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается». Этимъ «даромъ свободы» и поспѣшили завладѣть Сатана и его жрецы; имъ-то и вручило свои судьбы то самое человѣчество, на свободу котораго не посягнулъ, изъ-за *своей* любви къ человѣку, Іисусъ Назарейскій. Такимъ образомъ Достоевскій открылъ человѣку полнѣйшую безысходность его положенія: Божество и Дьяволъ заключили

[1]) Курсивъ мой.

между собой убійственный для человѣка *союзъ*, и какъ бы человѣкъ ни метался изъ стороны въ сторону, — отъ Бога къ Сатанѣ, отъ вѣры къ невѣрію и обратно, — его ждетъ одна участь: уничтоженіе. Въ душѣ человѣка какимъ-то роковымъ образомъ скрестились и объединились Богъ и Сатана: ихъ воли слились въ желаніи гибели человѣка. Человѣкъ больше не можетъ отличить образа одного владыки отъ образа другого и, упиваясь сознаніемъ своей неминуемой гибели, самъ начинаетъ тяготѣть къ безднѣ, раскрытой у его ногъ. Появляются тѣ немногіе, «ведущіе людей уже сознательно къ смерти и разрушенію», о которыхъ говоритъ Достоевскій. Они вмѣстѣ «съ нимъ» (съ Сатаной) обманываютъ людей «во имя того» (Іисуса)... Однимъ словомъ человѣкъ со всѣхъ сторонъ (и со стороны божественной, и со стороны сатанинской) окруженъ ложью: его обманываютъ съ цѣлью не дать ему «преждевременно» себя уничтожить для того, чтобы уничтожить его «во время»!.. Болѣе злую иронію трудно себѣ представить! Только нѣкоторые, «непокорные и свирѣпые истребятъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга», а третьи «приползутъ» къ ногамъ пастырей своихъ и станутъ молить о «спасеніи ихъ отъ самихъ себя». Такова будущность человѣка въ пророчествахъ Достоевскаго!

232. «Пусть я иду, — говоритъ Дмитрій Карамазовъ, — въ то же самое время вслѣдъ за чертомъ, но я все-таки и Твой сынъ, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть». Трудно себѣ представить слова, съ большей яркостью характеризующія душевную драму Достоевскаго! Въ нихъ, — ежедневная молитва его... Это—исповѣдь Достоевскаго,—исповѣдь, исходящая изъ мрачныхъ, порой ярко освѣщенныхъ, глубинъ его духа. Онъ какъ бы лежитъ у двухъ безднъ, съ тоской прислушивается къ ихъ

несмолкающему зову, заглядываетъ съ головокруженіемъ то въ одну, то въ другую, какъ бы измѣряя ихъ бездонность, и никакъ не можетъ избрать одну изъ нихъ. Какимъ-то чудомъ онъ на всю свою жизнь сохранилъ это равновѣсіе и въ концѣ концовъ *возлюбилъ* адское положеніе своего сердца. Можно ли представить себѣ большее блаженство и большую муку, чѣмъ блаженство и мука Достоевскаго,—этого сына Іисуса и Сатаны одновременно? Именно «въ самомъ-то этомъ позорѣ» Достоевскій и «начинаетъ гимнъ». Кому «гимнъ»? Страшно сказать: и Богу и Сатанѣ одновременно! Невольно въ сознаніи рождается не менѣе страшный вопросъ: можетъ быть *они* только и достойны *этого* «гимна»?

233 Мнѣ кажется, что въ глазахъ Достоевскаго Іисусъ являлся кѣмъ то вродѣ религіознаго анархиста, вносящаго своей жизнью и своей смертью невѣроятную смуту въ міръ религіозныхъ переживаній человѣчества. Источникъ современнаго религіознаго (христіанскаго) анархизма по мнѣнію автора «Великаго инквизитора» слѣдуетъ искать въ свободѣ, дарованной человѣку Іисусомъ. «Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ, *Самъ ты положилъ основаніе къ разрушенію Своего же царства* [1]) и не вини никого въ этомъ болѣе». Іисусъ не захотѣлъ поработить человѣка и, тѣмъ самымъ, далъ ему возможность освободиться отъ себя,—отъ всего божественнаго въ немъ (человѣкѣ). Это дѣло освобожденія человѣка отъ всего божественнаго въ немъ взяли на себя тѣ самые quasi-«преемники Христа», которые съ именемъ Христа на устахъ, но съ Сатаной въ сердцѣ поработили человѣка.

---

1) Курсивъ мой.

Неужели Іисусъ не зналъ, къ какимъ роковымъ *для человѣка* послѣдствіямъ приведетъ его даръ свободы! Конечно зналъ, а если зналъ. то и *оправдалъ* всѣ эти гибельныя для человѣка послѣдствія свободы,—оправдалъ гибель человѣка.

234. *Константинъ Леонтьевъ.* Кто такой Константинъ Леонтьевъ? Черты духовнаго облика этого писателя и подвижника настолько многосложны и загадочны, что трудно допустить, чтобы кто-нибудь *посмѣлъ* взять на себя задачу всеисчерпывающаго его воспроизведенія. Консерваторъ и свободомыслящій въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова; писатель, чиновникъ и монахъ; христіанинъ и ярый сатанистъ—не только въ теоріи, но и въ жизни; эрисихоонъ духа и духовный аскетъ,—все это вмѣстѣ взятое—только намекъ,—только бѣглые контуры, за которыми скрыта неуловимая фигура Леонтьева. Мнѣ кажется, что на-ряду съ другими серьезными причинами, таинственность и мучительная многосложность его личности являются одними изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, похоронившихъ Леонтьева на кладбищѣ отверженцевъ человѣка. Не претендуя на полную характеристику Константина Леонтьева, я только укажу на главную, съ моей точки зрѣнія [1]), заслугу этого «страшнаго», по словамъ Бердяева, писателя. Эту заслугу можно формулировать въ двухъ словахъ: Леонтьевъ *сатанизировалъ христіанство.* Съ удивительной, геніальной искренностью Леонтьевъ подбиралъ сатанинскія черты и съ помощью ихъ, шагъ за шагомъ, пересоздавалъ образъ Спасителя,—до тѣхъ поръ, пока не достигъ желаннаго для него тождества.. Конгеніальный Достоевскому, Леонтьевъ является прямымъ продолжателемъ его дѣла, съ той лишь огромной (въ извѣстномъ смыслѣ) разницей, что благодаря своей «нестерпимо-сложной» натурѣ,

[1]) Подобной же точки зрѣнія придерживается Бердяевъ въ „Sub specie aeternitatis".

Леонтьевъ шелъ болѣе смѣлымъ шагомъ тамъ, гдѣ Достоевскій осторожно ощупывалъ дорогу. Имя и труды Леонтьева настолько мало извѣстны читателямъ, что я считаю *необходимымъ* ознакомить *своего* читателя съ нѣкоторыми изъ его наиболѣе блестящихъ и поражающихъ душу мыслей. «Не полное и повсемѣстное торжество любви и всеобщей правды на *этой* землѣ обѣщаютъ намъ Христосъ и Его апостолы, а, напротивъ того, нѣчто вродѣ кажущейся *неудачи* Евангельской проповѣди на земномъ шарѣ, ибо *близость конца* должна совпасть съ послѣдними попытками сдѣлать всѣхъ хорошими христіанами»... «Благодатное царство Христово расширяется, растетъ и полнѣетъ, но не на землѣ видимо, а на небѣ невидимо... На землѣ же Самимъ Спасителемъ предречено господство зла и невѣрія; оно и расширяется видимо, а когда ужъ очень возобладаетъ, тогда дѣло будетъ только за починомъ. Этотъ починъ и сдѣлаетъ антихристъ». «Съ отупѣніемъ турецкаго меча стало глохнуть и религіозное чувство... Пока было жить страшно, пока турки насиловали, грабили, убивали, казнили, пока во храмъ Божій нужно было ходить ночью, пока христіанинъ былъ собака, онъ былъ болѣе человѣкъ, то есть былъ идеальнѣе... Но времена перемѣнились. Успѣхи русскаго оружія, удачныя возстанія сербовъ и грековъ... эти политическіе успѣхи церкви послужили къ ослабленію православія сердечнаго, личнаго, мистическаго». «Благоденствіе земное вздоръ и невозможность; царство равномѣрной и всеобщей человѣческой правды на землѣ—вздоръ и даже обидная неправда, обида лучшимъ»... «Я признаю не только то, что въ немъ (въ православіи) убѣдительно для моего разума и сердца, но и то, что мнѣ претитъ... Credo, quia asburdum»... «Христіанству мы должны помогать и въ ущербъ любимой нами эстетики, изъ *трансцендентнаго* эгоизма, по страху загробнаго суда... но прогрессу мы должны

гдѣ можемъ, противиться, ибо онъ одинаково вредитъ и христіанству и эстетикѣ» [1]). Въ этихъ строкахъ Леонтьевъ съ особенной настойчивостью подчеркиваетъ *смертоносный* характеръ христіанской религіи: торжество христіанства есть, полнѣйшее *пораженіе* человѣка,—полнѣйшее крушеніе всѣхъ его чаяній. Только идя рука объ руку со зломъ, насиліемъ, пытками—можетъ Христосъ сохранить первобытную силу своего ореола и обаянія своей личности! Во второмъ изъ приведенныхъ мною афоризмовъ, Спаситель выставляется какъ существо, самовластно вызывающее на арену исторіи своего величайшаго противника—Сатану-Антихриста и, тѣмъ самымъ, по собственной волѣ своей, повергающее человѣчество въ горнило страшнаго, рокового несчастья. Въ какихъ цѣляхъ Іисусъ поступилъ такъ? На этотъ вопросъ Леонтьевъ даетъ отвѣтъ въ томъ же афоризмѣ. Въ цѣляхъ сохраненія своего «трансцендентнаго эгоизма»,—въ цѣляхъ сохраненія своей потусторонности, своего неба,—оть вторженія земли и человѣка. Чѣмъ болѣе будетъ оскверненъ образъ Христа «на землѣ видимо», тѣмъ ярче онъ будетъ горѣть «на небѣ невидимо». Комментируя этотъ афоризмъ, можно сказать, что Леонтьевъ въ эгоизмѣ усмотрѣлъ основной рычагъ потусторонняго, божественнаго бытія. Однако онъ не обвиняетъ Бога въ эгоизмѣ, а, напротивъ, *оправдываетъ его въ Немъ*, хотя и сознаетъ его гибельность для бытія человѣческаго. Изъ предпослѣдняго афоризма мы видимъ, какое жестокое отношеніе установилось у Леонтьева къ *человѣку въ себѣ*,—къ величайшему богатству человѣка—его разуму и сердцу. Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ (какъ и во многихъ другихъ) Леонтьевъ выступаетъ предъ нами, какъ духовный аскетъ, ожесточенно истребляющій въ себѣ духовныя (но человѣческія) богатства во имя неприкосновен-

[1]) Курсивъ вездѣ К. Леонтьева.

ности эгоиста—Бога. Наконецъ, въ послѣднемъ афоризмѣ мы наталкиваемыя на тоть трагическій аккордъ разлада, который, проходя чрезъ всю безконечно сложную гамму переживаній Леонтьева, даетъ намъ возможность заглянуть и хоть немного освѣтить лабиринтъ его души. Этотъ аккордъ—борьба эстета съ христіаниномъ. Горячо, всей своей обнаженной душой «любилъ» Леонтьевъ «эстетику», и въ то же время считалъ своимъ «долгомъ» «помогать христіанству въ ущербъ» ей. Въ результатѣ этой судорожной борьбы на почвѣ рокового внутренняго разлада,—Леонтьевъ—эстетъ и сатанистъ шагъ за шагомъ дискредитируетъ христіанство и оставляетъ для себя только одну красивую его оболочку,—только одѣяніе его: православіе. Въ эту довольно прозрачную оболочку замаскировалъ онъ свое настоящее сатанинское «я» и, подобно страусу, прячущему свою голову въ песокъ, тѣшилъ себя призракомъ Христа и душеспасительностью самоистязанія. Все это—мучительный «надрывъ», какъ любитъ выражаться Достоевскій. Религіозно-демоническое сознаніе Леонтьева искало для своего выраженія какой-нибудь готовой, красивой формы и за неимѣніемъ другой поспѣшило ухватиться за православіе. Обращу еще вниманіе на «насильственный» характеръ вѣры Леонтьева. «Но, вѣруя въ духовный авторитетъ, подчиняться ему противъ своего разума и противъ вкусовъ, воспитанныхъ долгими годами иной жизни, *подчинять себя произвольно и насильственно, вопреки цѣлой бурѣ внутреннихъ протестовъ, мнѣ кажется, это есть настоящая вѣра*». Это насиліе надъ собой говоритъ мнѣ о томъ, что вѣра (ненасильственная) Леонтьева была какъ разъ антиподной по отношенію къ христіанству. Леонтьевъ, повидимому, задался цѣлью осуществить чистоту вѣры,—освободить ее отъ всякихъ раціональныхъ элементовъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ измѣнилъ обликъ вѣрующаго до неузнаваемости,—

до глубокаго атеиста и даже дальше:—до вѣрующаго въ существо, враждебное Богу. Въ заключеніе скажу, что если чѣмъ «страшенъ» этотъ неизвѣстный и загадочный писатель, то только лишь этой своей предательской *маской*, подъ христіанскимъ покровомъ которой дышетъ и тоскуетъ по свободѣ великое и глухо-нѣмое къ человѣческимъ мольбамъ Существо.

235. Руководствуясь гипотезой Лебона о дематеріализаціи атома (и вообще матеріи), можно всю духовную жизнь человѣка разсматривать, какъ радіоактивность или дематеріализацію его тѣла. Если всѣ тѣла обладаютъ свойствомъ дематеріализаціи (положеніе, нашедшее въ ученомъ мірѣ не мало защитниковъ), то на какомъ основаніи намъ отнимать это свойство у человѣческаго тѣла? Наше тѣло, подвергаясь процессу дематеріализаціи, повышаетъ пульсъ духовнаго бытія человѣка: этимъ объясняется болѣзненность геніальныхъ самородковъ. Задача лишь въ томъ, чтобы умѣть направить всю энергію дематеріализовавшагося тѣла въ русло духовной жизни. Если же такъ,—если дематеріализованная матерія возрождается вновь къ жизни, но уже въ духовной ея сферѣ,—то это же возрожденіе должно быть удѣломъ тѣла у могучаго духомъ индивидуума. Душа (т. е. дематеріализованное тѣло) въ силу процесса деспиритуализаціи (или освобожденія отъ себя), т. е. въ силу своей матеріализаціи создаетъ *новое тѣло*, претерпѣвающее новый циклъ своей дематеріализаціи и т. д.

236. Существуютъ исключительныя натуры, которыя своею жизнью,—величайшими ея богатствами, ея золотомъ,—обязаны своей смерти. Это—какіе-то парадоксальные ростовщики, оплачивающіе свою жизнь цѣною своей гибели, выторгованной у смерти! Это—самоубійцы, отнимающіе у себя возможность «жизни» во имя жизни, смертельной для нихъ... Понимаете ли вы, что это означаетъ: *смертельная жизнь*?

237. Тремя молніями опалено небо моего духа и всѣ они

тоскуютъ по жертвѣ! Эти молніи: воля къ гибели, страсть къ вѣчности и мысль о безначальномъ и безконечномъ круговоротѣ жизни и смерти. Эта жертва—мое сердце.

Гдѣ то слово, которое могло бы выразить невыразимое? «Его нѣтъ»—говоритъ мнѣ мое сознаніе и тѣмъ не менѣе я не могу противиться его волѣ, жаждущей воплощенія въ словѣ. Послѣдующія строки и являются плодомъ такой жалкой и тщетной попытки проникнуть взглядомъ въ ночь неизреченнаго міра переживаній.

Въ своемъ предыдущемъ трудѣ [1]) я далъ, или пытался дать, теоретическое обоснованіе идеи о круговоротѣ бытія и небытія. «Міръ и существуетъ, и не существуетъ»—вотъ то парадоксальное, повидимому, утвержденіе, въ защиту котораго я тогда выступилъ. «Изъ сказаннаго мной,—писалъ я,—слѣдуетъ, что взаимопорожденіе бытія и небытія именно потому только и возможно, что и то и другое имѣютъ лишь относительный характеръ, такъ что въ каждомъ изъ нихъ всегда легко найти примѣсь элементовъ противоположнаго ему, другого «начала» мірозданія. Поэтому конкретно намъ неизвѣстно ни чистое бытіе, ни чистое небытіе, и когда я говорю о взаимопорожденіи этихъ двухъ началъ, то я разумѣю бытіе и небытіе, актуальныя par excellence (стр. 106). Эта отвлеченная концепція и является теоретическимъ базисомъ для моей воли къ гибели,—*воли къ смерти*. Этотъ круговоротъ бытія и небытія, будучи осознаннымъ, продуцируетъ во мнѣ сознаніе того, что *мнѣ* присуще *вѣчное* возвращеніе; поэтому, изъ любви къ себѣ и вѣчности, я не могу не желать возвращенія своей жизни и всего уже *пережитаго* мной. Сознаніе моего вѣчнаго возвращенія даетъ мнѣ возможность быть *творцомъ самого себя* и закончить свою жизнь тогда и такъ, когда и

---

[1]) „Философія индивидуализма". Спб. 1910 г.

какъ *я захочу*. Въ двухъ словахъ моя формула такова: я жажду себя,—своей жизни, а потому я жажду своей гибели,—своей смерти, которая *вернетъ* мнѣ мою жизнь. Подобная формула можетъ показаться софизмомъ и «кругомъ въ доказательствѣ», если при этомъ не освѣтить еще одного вопроса: возврата *какой* жизни я хочу? Разрѣшеніе этого вопроса возможно лишь при полной зрѣлости моего *самосознанія*, т. е. лишь въ томъ случаѣ, если я смогу установить границы моего дѣла и моей жизни. Такое установленіе границъ всецѣло зависитъ отъ моего желанія быть возрожденнымъ смертью къ жизни *такимъ*, *каковъ я есть*, а не такимъ, какимъ я могъ бы быть, если бы мнѣ измѣнило мое самосознаніе, т. е. сознаніе моего вѣчнаго возвращенія. Такимъ образомъ въ моей душѣ совершается то *чудо* міровой жизни и смерти, которое на языкѣ философовъ-догматиковъ называется «вещью въ себѣ», «идеей», «міровой волей» и т. под. Подобное состояніе моего духа отнюдь не являтся «маніей величія», какъ можетъ подумать близорукій и непрошенный читатель: къ нему не примѣнимо ни одно изъ словъ человѣческаго лексикона, ибо въ немъ та самая «тайна бытія», которую присяжные философы усматриваютъ гдѣ-то въ «потустороннемъ мірѣ» (въ чемъ они въ извѣстномъ смыслѣ слова правы, ибо душа человѣкоборцевъ на вѣки останется «по ту сторону» ихъ человѣческой психологіи).

238. «Какъ чорта *выставить* [1]) дуракомъ, чтобъ насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ—уже съ давнихъ поръ я только и хлопочу о томъ». Въ этихъ словахъ Гоголя скрыта то психическая надорванность, которая отозвалась нотой надрыва въ гоголевскомъ смѣхѣ. Гоголь выдаетъ тайну своей глубокой и роковой драмы. Въ этихъ постоянныхъ

[1]) Курсивъ мой.

«хлопотахъ» «выставить» чорта дуракомъ и сдѣлать его объектомъ человѣческаго смѣха—скрыта та вѣра въ разумъ и могущество Искусителя, отъ которой Гоголь такъ и не могъ освободиться до конца своей жизни. Иначе чѣмъ же объяснить то духовное и физическое самоубійство, которымъ закончилась его драма и жизнь? Для всякаго очевидно, что если Гоголю понадобилась цѣлая жизнь для того, чтобы «*выставить*» чорта дуракомъ и имѣть возможность насмѣяться надъ нимъ—то этотъ чортъ далеко не «дуракъ» и смѣхъ надъ нимъ можетъ быть искупленъ цѣною жизни. Основываясь на вышеприведенныхъ словахъ Гоголя, можно смѣло утверждать, что *смѣхъ надъ страшнымъ Духомъ стоилъ ему жизни.*— что, въ концѣ концовъ, не Гоголь насмѣялся надъ чортомъ, а чортъ, жестоко и побѣдоносно, насмѣялся надъ сжигающимъ рукопись Гоголемъ. Въ этомъ смыслѣ судьбы Гоголя чрезвычайно поучительны для нашей «интеллигенціи» съ гг. Мережковскими, Бердяевыми, Волынскими—во главѣ. Мережковскій, напримѣръ, пишетъ: «Чортъ есть начатое и неоконченное, которое выдаетъ себя за безначальное и безконечное; чортъ,—отрицаніе всѣхъ глубинъ и вершинъ—вѣчная плоскость, вѣчная *пошлость*» [1]). Эти строки такъ же банальны и *пошлы*, какъ банально и пошло краснорѣчіе нашихъ «интеллигентныхъ», легковѣсныхъ атеистовъ: для нихъ Богъ—тоже нѣчто «начатое и неоконченное», тоже «вѣчная плоскость», запугивающая своей торжественностью невѣжественный народъ. Неужели г. Мережковскому не ясно, что, усматривая въ «естествѣ» чорта только одну «плоскость», онъ, тѣмъ самымъ, становится въ ряды ненавистныхъ ему атеистовъ, и только поворачивается къ нимъ спиной? Тенденція въ данномъ случаѣ оказала Мережковскому медвѣжью услугу. Вмѣсто того, чтобы,

[1]) Курсивъ Мережковскаго.

руководствуясь словами Гоголя, дать психологическое освѣщеніе его душевной драмѣ и въ особенности ея роковому финалу—Мережковскій упорно закрываетъ на нее глаза и тщится выставить Гоголя, какъ прозаика—шута «по призванію».

239. Нужно писать огнемъ и кровью, или—совсѣмъ не писать.

240. Основная тенденція современной философской мысли можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: отъ отрицанія цѣнности міра (Шопенгауэръ, Гартманъ) къ отрицанію цѣнности человѣка (Штирнеръ, Ницше, Леонтьевъ). Бунтъ первыхъ былъ обращенъ противъ природы, бунтъ вторыхъ обращенъ противъ человѣка.

241. Прочитавши этотъ рядъ мыслей, афоризмовъ и, если угодно, «парадоксовъ»—мой случайный читатель (advocatus hominis) пожалуй вспомнитъ заголовокъ этой книги и съ ноткой недоумѣнія въ голосѣ спроситъ: «*каково же послѣднее слово человѣку*»? Что жъ! Если ты такъ хочешь его услышать, то оно,—это маленькое словечко,—давно ужъ ищетъ *открытыхъ* ушей: «*сгинь*»!

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

КОНЕЦЪ.

Цѣна 75 коп.

## Того-же автора:

**Философія индивидуализма**, Спб. 1910 г. Ц. 1 р.
Складъ изд. „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
въ книжномъ магазинѣ т-ва «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Спб. Невскій пр., 40, кв. 43.